Джорджетт
Хейер
Серенада
Опасный
МАСКАРАД

Джорджетт Хейер

Опасный маскарад

1928

Хейер Д.

Опасный маскарад / Д. Хейер — 1928

Герои романа – брат и сестра, дети путешественника и авантюриста, посулившего своим отпрыскам богатство и почести, волею судьбы и сумасбродного родителя погружаются в водоворот светских интриг. По стечению обстоятельств Прюденс приходится выдавать себя за юношу, а Робину переодеться в девичий наряд.

© Хейер Д., 1928

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 18
Глава 4 23
Глава 5 27
Глава 6 31
Глава 7 37
Глава 8 43
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Джорджетт Хейер
Опасный маскарад

Посвящается Дж.Р.Р.

Глава 1
ЮНАЯ ЛЕДИ В БЕДЕ

Дождь начался час назад, даже не дождь, а мелкая изморось, летящая с серого неба. Джентльмен, ехавший верхом рядом с фаэтоном, безмятежно посматривал на облака.

– Клянусь небом, изумительный климат, – заметил он, не обращаясь ни к кому конкретно.

Седой слуга, державшийся позади, пришпорил коня.

– Лучше бы подумали о ночлеге, сэр, – проворчал он. – В паре миль отсюда есть гостиница.

Окошко кареты с лязгом опустилось, и из него выглянула леди.

– Детка, ты промокнешь, – обратилась она к своему кавалеру. – Далеко ли еще до Норман-Кросс?

Слуга приблизился к карете.

– Еще час, мэм. Я говорю, что пора подумать о ночлеге.

– Как только доберемся до Норман-Кросс, – ответил джентльмен. – Все из-за проклятой сырости.

– Насколько я помню, поблизости есть гостиница, – повторил слуга, обращаясь к леди.

– Тогда – вперед. Пусть будет гостиница, – откликнулась та. – Наслаждайся всеми прелестями твоей Англии, Питер, мой мальчик.

Джентльмен рассмеялся:

– О, здесь действительно хорошо, Кэйт.

В сумерках белел прямоугольник гостиницы. Окна светились; во дворе, у входа, стояла почтовая карета.

Джентльмен легко соскочил с лошади. Он оказался среднего роста, с хорошей осанкой. Стройные ноги были Обуты в прекрасные сапожки для верховой езды, изящные руки затянуты в расшитые перчатки.

Гостиница ожила. К фаэтону подбежал конюх; на порог с поклоном вышел хозяин; гостиничный слуга бросился опускать подножку экипажа.

– Две спальни, для меня и моей сестры, – распорядился джентльмен. – И обед в отдельную комнату.

Лицо хозяина отражало смятение.

– Спальни, сэр? Сию минуту! Полли, две лучшие спальни и затопить камины! – Горничная помчалась выполнять приказание. – А вот отдельная комната... – Хозяин поклонился и развел руки. – Ее только что заказали дама и джентльмен, которые следуют на север. – Хозяин потупился. – Но они остановились только пообедать, сэр, и, если ваша честь согласятся пообедать в столовой... сегодня уже вряд ли кто появится, и вас никто не побеспокоит.

Послышался шелест юбок. Опираясь на плечо слуги, леди вышла из кареты. «Столовая или что угодно, только бы подальше от сырости!» – воскликнула она и проследовала в гостиницу в сопровождении своего кавалера.

Новые постояльцы оказались в большой уютной комнате. Стол был накрыт, в камине пылал огонь. Дверь в дальнем конце комнаты выходила в коридор, откуда поднималась крутая лестница; боковая дверь вела в распивочную.

Стройная девушка в домашнем чепце принесла еще свечей и склонилась в реверансе перед леди.

– Если вы позволите, миледи, я возьму ваш плащ. Ваша горничная...

– Увы, она сейчас не со мной, – пробормотала мадам Кэйт. – Отнесите плащ ко мне в комнату, дитя.

Она откинула капюшон и развязала шнурки на шее. Плащ отдали девушке, и мадам осталась в платье из голубой тафты с широким кринолином. Кудрявые светлые волосы были непринужденно убраны en demic toilette, без пудры, их поддерживала только голубая лента, два завитка свободно падали на плечи. Горничной леди показалась необычайно красивой, и девушка снова присела в реверансе.

Брат миледи отдал треуголку своему слуге и принялся высвобождаться из просторного плаща. Он был почти одного роста с сестрой – быть может, только немного выше, и очень похож на нее. Более темные, чем у сестры, волосы стягивала на затылке черная лента; при свечах глаза его казались скорее серыми, нежели голубыми. Юные щеки, покрытые нежным пушком, вряд ли когда трогала бритва; но у него были крепкие плечи и решительный, округлый подбородок. Хозяин, провожая его в столовую, рассыпался в любезностях, ибо сразу угадал в нем аристократа. Миледи была одета в платье из дорогой ткани, а мистер Мерриот щеголял в модном камзоле из коричневого бархата с золотым галуном и брабантским кружевом у воротника и манжет. Красивая пара с непринужденными манерами. У обоих был насмешливый взгляд, что делало их очень похожими. Хозяин заговорил о цыпленке и лучшем бургундском, его предложения тут же были приняты с благосклонностью. Мисс Мерриот уселась у огня, протянув ножку в туфле к каминной решетке. Каблуки туфель были красными, а на шелковых чулках красовались причудливо вышитые стрелки.

– Итак, – сказала мисс Мерриот. – Как ты, мой Питер?

– Я не сахарный, чтобы растаять от дождя, – ответил Питер, усаживаясь на край стола и покачивая ногой, обутой в сапожок.

– Конечно, дитя, ты слишком велик для этого.

Джентльмен с довольным смешком заметил:

– Это верно, я достаточно плотный человек. – Из громадного кармана он выудил золотую, с эмалью, табакерку и достал щепотку табаку, слегка взмахнув кружевами у запястья. На одном из пальцев сверкнуло рубиновое кольцо, на другой руке он носил золотой перстень с печаткой. Усмешка тронула его глаза и уголки губ. – Дорого бы я дал за то, чтобы узнать, где находится старый джентльмен, – сказал он.

– В безопасном месте, клянусь честью, – ответила мадам и засмеялась. – Это сущий дьявол, скажу тебе, и он еще появится в Лондоне, чтобы натянуть нос всем приспешникам короля Георга.

– Фи, Кэйт! Мой почтенный бедный папа! – Однако мистер Мерриот отнюдь не был шокирован. Он щелкнул крышкой и убрал табакерку. Легкая складка легла у его бровей. – Хотя он говорил о Лондоне... Ей-богу, эта дерзость в его стиле. Не важно, что он сейчас во Франции.

– Я не позволяю себе надеяться, – сказала мисс Мерриот с улыбкой, одновременно озорной и мечтательной. – Но он появится, да еще заставит нас всех плясать под свою дудку. А если нет... Я хочу, чтобы мы сами попытали счастья.

– Видит Бог, я люблю этого старого джентльмена, – задумчиво промолвил мистер Мерриот. – Его авантюры всегда приводят...

– К недостижимым целям. – В голосе леди прозвучала горечь.

Мистер Мерриот взглянул на нее:

– А, ты приняла это близко к сердцу?

– Нет. – Кэйт дернула плечом, как бы стряхивая с себя печаль. – Мы сами ввязались в это дело, но, Бог мой, почему?

– Спроси у старого джентльмена. – На лице Мерриота снова появилась улыбка. – Возможно, из-за его верноподданнических чувств?

Уголки губ Кэйт опустились.

– Весьма благородно. Но могу поклясться, с его стороны это был всего лишь красивый жест. А мы? Мы с тобой оказались втянутыми в его игру.

– Я не жалею. Старый джентльмен занимался и другими делами.

– То были чистые приключения! А сейчас... – Кэйт помолчала. – В этот раз все по-другому! Ненавижу неудачи.

Мистер Мерриот поднял бровь:

– Тебя так волнует судьба принца?

– Мы сражались за него, сколько могли. Правда на его стороне. Но теперь все кончилось, и этот Мясник[1] залил север кровью. На Тауэр-Хилл казнили стольких людей! А мы все испытываем судьбу, и старый джентльмен уже плетет новую сеть. Мне кажется, я могла бы стать респектабельной дамой!

– Увы, мы оба были созданы для рассудительности, – промолвил мистер Мерриот.

Вошел хозяин, за ним – девушка с подносом. Расстелили скатерть, откупорили бутылки с вином. Мисс Мерриот с братом принялись за жирных каплунов и многочисленные паштеты. Затем они перешли к вину и сладостям. Служанка унесла остатки трапезы за дверь. Она не притворила ее, и из коридора до них донесся протестующий женский голос:

– Нет, говорю я вам! Нет...

Послышался другой голос, низкий и заискивающий; затем женщина истерически вскрикнула.

– Я не поеду с вами! Вы не можете сделать это против моей воли! Отвезите меня домой! О, пожалуйста, мистер Мэркхем, отвезите меня домой!

Мисс Мерриот поглядела на брата. Он поднялся, не торопясь подошел к двери и прислушался.

Теперь был слышен громкий и сердитый мужской голос.

– Клянусь Богом, Летти, я не позволю так дурачить себя!

За дверью послышался удар, будто изо всех сил стукнули кулаком по столу, и сдавленный испуганный шепот.

– Нет! – проревел мужской голос. – Даже если мне придется заткнуть тебе рот, ты все равно поедешь в Гретну, Летти! Ты думаешь, я настолько глуп, чтобы дать тебе ускользнуть?

Мистер Мерриот обернулся.

– Дорогая, сей шумный джентльмен мне что-то не нравится, – спокойно сказал он.

Мадам Кэйт прислушалась к крику: «Мой папа приедет! Я за вас не выйду, о нет!.. « До них донесся грубый хохот. Очевидно, джентльмен был пьян.

– А я думаю, что выйдешь! – произнес он со значением.

Мисс Мерриот покусывала ноготь.

– Мне кажется, нам следует вмешаться, мой Питер.

Питер выглядел уныло, но все же потянулся за шпагой.

– Нет, нет, дитя, оставь это! – засмеялась мадам. – Мы придумаем трюк похитрее. Сначала надо выманить лисицу из норы.

– Оставайся здесь, – сказал ей брат.

---

[1] «Мясник» – прозвище лорда Камберленда, утопившего в крови восстание якобитов в Шотландии в пользу принца Стюарта, «Младшего претендента» (1745 – 1746 гг.).

Он вышел во двор и кликнул Джона, своего слугу.

– Кто едет в почтовой карете, Джон? – поинтересовался мистер Мерриот.

– Мистер Мэркхем, сэр. Говорят, он бежит венчаться в Гретна-Грин с богатой наследницей. А юной леди нет еще и двадцати. Срам один!

– Джон оскорблен в лучших чувствах, – пробормотала мисс Мерриот. – Что ж, Джон, если Бог не хочет вмешаться, мы поддержим тебя! Нужно устроить настоящий переполох.

– Лучше не соваться, – флегматично заметил Джон. – С нас приключений хватит.

– Закричать «Пожар!», – размышлял вслух мистер Мерриот. – «Пожар!» или «Разбойники!». Но как сделать, чтобы все поверили?

– О, ты уже понял мою мысль? – восхитилась Кэйт. – Давай-ка, Джон, устрой мне пожар или пару разбойников, и чтобы все конюхи переполошились.

Джон испустил вздох.

– Уже раз делали эту штуку! Мало вам, что ли?

Мистер Мерриот рассмеялся.

– Джон, юной леди грозит беда! Как же твоя Кэйт может оставаться в стороне?

Джон что-то снисходительно проворчал в ответ, одарил всех мрачной улыбкой и тут же вышел из комнаты. Почти немедленно во дворе вспыхнуло пламя, послышались крики, и началось общее смятение.

– Хотела бы я знать, как он устроил этот пожар, – улыбаясь, сказала мисс Мерриот.

– В амбаре есть солома. Джону этого достаточно. Что ж, суматоха знатная. – Мистер Мерриот подошел к окну. – Ага, хозяин спасает семейство. Однако дерево совсем сырое и вот-вот погаснет. Твой выход, сестра. – И мистер Мерриот скрылся в баре.

Мисс Мерриот усугубила суматоху, испустив кошмарный вопль, за которым последовал второй:

– Пожар, пожар! Спасите, помогите! Дверь в коридоре распахнулась, и оттуда выскочил смуглый джентльмен.

– Какого дьявола?.. – начал было он. Он был по-своему красив, но излишек вина расцветил его лицо слишком яркими красками. Джентльмен остановил взор на мисс Мерриот, одновременно он почуял запах гари. – Что за шум? Черт, горим мы, что ли? – Он ринулся в столовую и просто вынужден был подхватить мисс Мерриот, которая ловко опрокинула стул и, стеная «Спасите!», рухнула в объятия мистера Мэркхема.

Он не мог выпустить ее безвольное тело. Его спутница, стройная девушка лет восемнадцати, подбежала к окну.

– О, это просто загорелся старый амбар! – сообщила она. – Огонь справа.

Мистер Мэркхем пытался привести в чувство мисс Мерриот, но безуспешно.

– Не пугайтесь, мадам! Ради Бога, без обмороков! Никакой опасности... Проклятие! Летти, да поднимите же стул!

Мисс Летти бросилась к опрокинутому стулу. Мистер Мэркхем уже с трудом удерживал бесчувственную леди. Ярость от собственной беспомощности усиливала и без того багровый цвет его лица.

– Черт бы побрал эту женщину, она весит целую тонну! – зарычал он. – Я же говорю, поднимите стул!

Мисс Летти нагнулась и тут же услыхала, как за ее спиной распахнулась дверь. Оглянувшись, она увидела мистера Мерриота.

Мисс Мерриот внезапно ожила. Округлив глаза от изумления, мисс Летти поняла, что леди вовсе не в обмороке и, более того, пытается вырваться из объятий спасителя. Мистер Мерриот бросился к ней.

– Отпустите мою сестру, сэр! – загремел он.

Джентльмен с готовностью оттолкнул мисс Мерриот.

– Клянусь небом, она сама. – начал мистер Мэркхем, но закончить фразу не успел, так как его подбородок внезапно наткнулся на эфес шпаги мистера Мерриота, и джентльмен с красным лицом тяжело рухнул на пол между ножками стола.

– Чисто сработано, клянусь честью! – одобрила мисс Мерриот. – Упал как подкошенный. Отправляй карету, Питер, а вы, дитя мое, быстро наверх, в мою спальню.

Рука мисс Мерриот сжала запястье Летти. Совершенно ошеломленная, девушка позволила увлечь себя вверх по лестнице.

Брат мисс Мерриот вложил шпагу в ножны и выскочил во двор. При виде его лицо Джона просияло.

– Все в порядке, сэр?

Мистер Мерриот кивнул.

– Где карета джентльмена, Джон? Слуга указал куда-то за спину.

– Лошади в упряжке? – спросил мистер Мерриот.

– Готовы хоть сейчас в галоп. Конюхи, сидя в распивочной, обсыхают после великого пожара. Только один болтается в конюшне.

– Он мне там не нужен! – подмигнул мистер Мерриот. – Поезжай в этой карете до Стилтона, Джон, а там спрячь ее надежнее, чтобы джентльмен подольше поискал.

– И карету, и лошадей? – проворчал Джон.

– Разумеется, – безмятежно ответил мистер Мерриот. – А этому конюху скажи, что я велю седлать мне немедленно лошадь. Можно одну из наших. Я пущу джентльмена вслед за тобой, Джон. Бог в помощь!..

– Сумасшедшая парочка! – пробормотал Джон, но двинулся к зажженным фонарям кареты. Мистер Мерриот слышал, как он передает конюху приказ и предлагает пока подержать коней. Убедившись, что конюх побежал, он, улыбнувшись, направился обратно в столовую.

Мисс Мерриот уже сошла вниз и стояла над павшим мистером Мэркхемом, спокойно разглядывая его.

– Ну что, дорогой, дело сделано? – спросила она.

Топот копыт и грохот колес по булыжнику были ей ответом. Джон угнал карету; они услышали, как он помчался по дороге в Лондон.

Мисс Мерриот засмеялась и, сделав шутливый реверанс, обратилась к брату:

– Мои поздравления, детка. Ты у нас, в самом деле, глава семьи. Но что же делать с бедным джентльменом? Воды, Питер, воды и салфетку! И смотри: я – воплощенная забота. – Она опустилась прямо на пол и положила голову мистера Мэркхема себе на колени. Мистер Мерриот, посмеиваясь, вручил ей миску с водой.

Вбежал запыхавшийся хозяин и в ужасе уставился на эту сцену...

– Сэр... мадам! Карета джентльмена уехала! О Боже, мадам!

– Уехала карета? – Мистер Мерриот изобразил сочувствие. – Ах, ах!.. И верно, юная леди тоже?

Хозяин открыл рот.

– Ага, должно быть, так! Но что приключилось с джентльменом, сэр? Боже ты мой, сэр, только не говорите...

– Бедняга! – Мисс Мерриот прикладывала влажную салфетку к челу мистера Мэркхема. – Осмелюсь предположить, что это все из-за вина. С некоторыми такое случается. Полагаю, он от этого не умрет.

– Божий знак всем похитителям девушек! – строго произнес мистер Мерриот.

Хозяин начал кое о чем догадываться.

– Сэр, да он просто взбесится, когда придет в себя.

– В таком случае, наш милый, добрый хозяин, вам лучше держаться отсюда подальше, – посоветовал мистер Мерриот.

Слова юноши звучали как пророчество. Хозяину тут же пришло в голову, что, чем меньше он будет знать обо всех этих делах, тем лучше для него – с какой стороны ни посмотри. Он благоразумно удалился из комнаты, стоило только мистеру Мэркхему испустить первый слабый стон.

Мистер Мэркхем медленно приходил в сознание, его тяжелые веки дрогнули. Он не сразу вспомнил, что произошло, и чувствовал только адскую боль в распухшей челюсти. Прохладная рука легла ему на лоб, и что-то влажное коснулось ноющего подбородка. Он со стоном поднял глаза и увидел склонившееся над ним прекрасное лицо, обрамленное золотистыми локонами. Он тупо уставился в это лицо, пытаясь собраться с мыслями. Ему показалось, что он уже видел раньше эти красивые, насмешливые, голубые глаза и этот странный твердый подбородок. Он помигал и нахмурился, стараясь собраться с силами, и увидел нежную улыбку на прекрасных губах.

– Благодарение Богу, вам лучше! – услышал он воркующий голос. – Я чуть не умерла от страха! Дорогой сэр, умоляю, лежите спокойно. Это был жестокий удар, и все по недоразумению! Питер, стакан вина джентльмену. Вот так, сэр, так, позвольте, я помогу вам поднять голову.

Мистер Мэркхем волей-неволей позволил и глотнул поднесенного ему вина. Туман в голове стал рассеиваться. Он приподнялся на локте и огляделся по сторонам.

– О, мне кажется, вам лучше! – ворковал голос. – Но осторожно, сэр, осторожно! Умоляю вас, не переоцените свои силы.

Взгляд мистера Мэркхема уперся в жилет, украшенный цветочками. Схватившись руками за голову, он медленно поднял глаза и увидел озабоченное лицо мистера Мерриота. Память окончательно вернулась к нему.

– Прах вас побери, да вы тот самый парень... – Рука мистера Мэркхема потянулась к подбородку; он злобно глянул на Питера Мерриота. – Вы?.. Клянусь Богом, сэр, вы...

– Позвольте предложить вам стул, – участливо сказал мистер Мерриот. – Разумеется, вы потрясены, и неудивительно. Сэр, я даже не смею молить вас о прощении.

Мистер Мэркхем поднялся на ноги, голова его просто шла кругом.

– Это вы меня ударили, сэр? Ответьте мне! – задыхаясь от ярости, потребовал он.

– Увы, сэр! – признал мистер Мерриот. – Я вошел сюда и увидел свою сестру, сопротивлявшуюся, как мне показалось, в ваших объятиях. Можете ли вы осудить меня, сэр? Я действовал под влиянием минуты.

Мэркхема усадили в кресло. Он с трудом подбирал слова и все еще держался за челюсть.

– Сопротивлялась? Да она просто упала в обморок! – выкрикнул он.

Мисс Мерриот опустилась на колени у его ног, у нее в руках все еще была салфетка. Мистер Мэркхем со стоном оттолкнул ее руку.

– О, сэр, вы вправе сердиться, – вздохнула мисс Мерриот, – но всему виной женская слабость. Сэр, когда начался этот шум и все так страшно кричали «Пожар!», я просто не понимала, что делаю! – Ее красивая головка склонилась в смущении.

Мистер Мэркхем не обращал на нее внимания.

– Обвинять вас? Винить? Да, сэр, я вас обвиняю! – с гневом вскричал он. – Проклятый щенок... – На этом его красноречие иссякло, он сидел злой, все еще нянчась со своей челюстью.

Мистер Мерриот холодно ответил:

– Вы вне себя, сэр, и, я полагаю, это можно понять. Поэтому я прощаю все, сказанное вами. Я попросил у вас прощения за свою ошибку – я думаю, меня вполне можно понять.

– Щенок! – взревел мистер Мэркхем и одним махом выпил остаток вина. Казалось, это окончательно привело его в чувство. Покачиваясь, он поднялся на ноги, а его взгляд метнулся по комнате. – Летти! – завопил он. – Где девушка?

– Дорогой сэр, вы еще не совсем пришли в себя! – Мисс Мерриот успокаивающе положила руку на его рукав. – Здесь нет никаких девушек, исключая, конечно, меня.

Он стряхнул ее руку.

– Никаких девушек?

Мистер Мэркхем, спотыкаясь, ринулся в коридор.

– Летти! Ты слышишь?! Проклятие! Ее плаща нет! – Он бросился назад, его лицо потемнело, страшное подозрение мелькнуло в его голове, и мистер Мэркхем схватил мистера Мерриота за широкое плечо. – Отвечайте! Где она? Куда ее спрятали? Вам меня не провести... красавчик!

Во время этой тирады мисс Мерриот встревоженно поглядывала то на одного, то на другого. При этих словах она не выдержала и бросилась к брату.

– Нет, нет! – вскричала она. – Только не шпаги, умоляю вас! Сэр, вы бредите! Я не видела здесь никакой девушки!

Мистер Мерриот отстранил сестру.

– Но постойте! – медленно произнес он. – Кажется, когда я вошел, в комнате была какая-то леди. Молоденькая, с черными волосами. Моя сестра слишком потрясена, сэр, и, может быть, забыла... Да, здесь была леди. – И он оглянулся, как бы ожидая увидеть девушку где-нибудь в углу.

– Черт! Это просто никуда не годится! – Мистер Мэркхем был взбешен. Громадными шагами он направился в распивочную залу, громко требуя хозяина.

Перепуганный хозяин гостиницы тут же явился на зов. Он робко сообщил кипевшему от злости мистеру Мэркхему, что во время пожара кто-то действительно уехал в экипаже его чести, но он не знает, была там леди или нет.

Мистер Мэркхем круто развернулся, пригвоздив взглядом Питера Мерриота, глаза его налились кровью, и он схватился за эфес шпаги.

– Экипаж?.. Это ваши козни? И вы там были?

Рука мистера Мерриота, потянувшаяся было к табакерке, застыла на полпути.

– Прошу прощения, сэр! – произнес он в некотором изумлении. – Леди уехала в вашем экипаже, но при чем тут я? Сэр, я вас не понимаю. Кто же тогда эта леди и почему она уехала столь поспешно? Уверяю вас, мне тоже кажется, что она поступила некрасиво.

Мистер Мэркхем, казалось, растерялся.

– Это не ваше дело, – рявкнул он. – Но ежели я узнаю, что это сделали вы... Куда поехала карета?

– В... в направлении к Лондону, сэр, – ответил перепуганный хозяин. – Это со слов Тома. Я сам не видел, сэр, и, разумеется...

Мистер Мэркхем что-то проворчал сквозь зубы, хозяин же метнул отчаянный взгляд в сторону мисс Мерриот. Леди была безмятежна.

– Немедленно седлайте лошадь! Где моя шляпа? – крикнул мистер Мэркхем.

Мистера Мерриота осенило:

– Бог мой, да это беглянка, Кэйт! Клянусь честью, сэр, моя... порывистость... в самом деле, была не ко времени. Лошадь, лошадь скорей! Вы ее догоните. Лошадь джентльмену! – Мистер Мерриот бросился во двор, подталкивая хозяина гостиницы.

– Лошадь готова, сэр. Том говорит, что джентльмен заказал ее еще полчаса назад, – озадаченно сказал хозяин.

– Тогда пусть ее ведут прямо к дверям, потому что джентльмен торопится.

– Слушаюсь, сэр, но как могло случиться, что лошадь заказали, когда джентльмен еще лежал на полу как мертвый?

– Заказали? Уловка, дружище, уловка, и ваш конюх, верно, получил от беглянки пару монет. Лучше держите рот на замке. Ах, вот и наш покинутый джентльмен!..

Мистер Мэркхем уже грохотал по двору, шляпа натянута до самого носа. С помощью двух растерянных конюхов он взгромоздился в седло, подобрал поводья и обернулся, смерив мистера Мерриота злобным взглядом.

– С вами я рассчитаюсь позже, – пообещал он со всей возможной свирепостью и пришпорил лошадь.

Мисс Мерриот положила руку на плечо брата.

– Бедный джентльмен, – вздохнула она. – Все это прекрасно, милый, но что же делать дальше?

Глава 2
ПОЯВЛЕНИЕ БОЛЬШОГО ДЖЕНТЛЬМЕНА

Брат и сестра вернулись в кофейную залу. Когда они входили в одну дверь, в другой показалась маленькая фигурка и застыла, словно готовая тут же убежать.

– Он уехал? – шепотом спросила мисс Летиция.

Питер Мерриот подошел к ней и взял за руку.

– Да, дитя, здесь его уже нет. – Он подвел девушку ближе к огню.

Она подняла на него большие темные, как бархат, глаза.

– О, благодарю вас, сэр! – произнесла она. – И вас тоже, мадам!

Мисс Мерриот чуть разрумянилась, в глазах Питера мелькнула лукавая искорка.

Он посмотрел на мисс Летти очень серьезно и придвинул ей стул.

– Садитесь, мадам, и расскажите нам все, если вам угодно, конечно. Не можем ли мы помочь вам?

– Вы уже помогли мне, – заверила их юная леди. – Моя история... О сэр, это история моей несчастной глупости, порожденной гнусным преследованием.

– Вы пугаете нас, мадам.

Мисс Мерриот подошла к огню и села рядом с юной леди, которая проворно взяла ее руку и поцеловала.

– Не знаю, что бы я без вас делала, – сказала она с жаром. – Я поняла, что вовсе не желаю ехать в Гретна-Грин. Понимаете, раньше я никогда не видела его пьяным. Это было ужасное прозрение. Он совершенно переменился, едва мы успели выехать из Лондона, и... я испугалась... немного. – Она покраснела. – Дома он был совсем не таким, понимаете?

– Правильно ли я вас поняла, милочка, – вы согласились бежать с этим джентльменом? – спросила мисс Мерриот.

Черные кудри вздрогнули.

– Я думала, это будет так романтично, – вздохнула Летти. И тут же просияла. – На самом деле, так и было!.. Когда вы уложили его, – добавила она, повернувшись к Питеру. – Это было просто изумительно!

– Вы убежали с ним из романтических побуждений? – спросил мистер Мерриот, пораженный.

– Да, а еще из-за моего папы, – промолвила Летти. – И потому, что было скучно. О мадам, знаете ли вы, что это такое, когда вас держат взаперти и воспитывают в строгости так, что вы готовы просто умереть от скуки?

– Сказать по правде, я веду жизнь скитальца, – сказала мисс Мерриот. – Но продолжайте, дитя мое.

– Я наследница большого состояния, – объявила Летти гробовым голосом.

– Примите мои поздравления, мадам, – поклонился мистер Мерриот.

– Поздравления!.. Лучше бы я была нищей, сэр. Стоит какому-нибудь мужчине появиться у нас в доме, папа сразу воображает, что он охотится за моими деньгами. Он это сказал и про Грегори Мэркхема... И в самом деле, сейчас я думаю, что он был прав, – сказала она задумчиво. – Мэм, я полагаю, что отцы – это... это истинное наказание.

– Нам это хорошо известно, дитя мое, – сказала мисс Мерриот.

– Тогда, мадам, вы поймете мои чувства. Мой папа приставляет ко мне злющую, противную женщину в качестве дуэньи, меня так сторожат и прячут, что со мной никогда не происходит ничего интересного, хоть меня и привезли в город. И прибавьте ко всему этому, мадам, сэра Энтони Фэншо, и вы поймете, что я была готова на все, лишь бы убежать подальше.

– Я думаю, что сэру Энтони можно лишь посочувствовать, Кэйт, – произнес мистер Мерриот.

– Это не потому, что он мне не нравится, – объясняла Летти. – Он мне всегда нравился, но вообразите, мадам, что вам велят выйти замуж за человека, которого вы знаете с детства! И к тому же в его летах и с его положением!

– Я вижу в вас жертву отцовской тирании, дитя мое, – заверила ее мисс Мерриот. – Сэру Энтони давно пора в могилу.

Летти хихикнула.

– О нет, мадам! Он образец благоразумия и всех добродетелей! И ему максимум тридцать пять!

Мистер Мерриот стряхнул крошки табака у себя с рукава.

– И отсюда, следовательно, тот юный Адонис, умчавший вас? Чтобы только спастись от седовласого старца?

Мисс Летти опустила голову.

– Он... он, наверное, тоже не очень молодой, – призналась она. – Я была такой глупой и поступила дурно, знаю. Но я и правда находила его более забавным, чем Тони. И представить себе невозможно, чтобы Тони был взволнован, или попал в беду, или хотя бы куда-то спешил. А Грегори говорил такие чудные вещи, и все было так романтично, что я ступила на ложный путь.

– Все это вполне постижимо даже для скромного ума, мадам, – заверил ее мистер Мерриот. – Во мне растет желание встретиться с флегматичным сэром Энтони.

Его сестра засмеялась:

– О, это как раз для тебя. Но что нам делать дальше?

– О, она поедет с нами в Лондон. Мадам, умоляю, можем ли мы узнать ваше имя?

– Летиция Грейсон, сэр. Мой папа – сэр Хамфри Грейсон из Грейсон-Корт в Глостершире. Он страдает подагрой. Я надеюсь, что вы сможете встретиться с ним, – я оставила ему письмо, которое он непременно найдет.

– Тогда мы будем ожидать его появления, – сказала мисс Мерриот. – Это решает дело. Питер, дорогой, потребуй спальню для мисс Грейсон.

Девичья рука доверчиво скользнула в руку Кэйт, когда мистер Мерриот направился к двери.

– Пожалуйста, если можно, зовите меня Летти, – застенчиво произнесла мисс Грейсон.

Мистер Мерриот сделал странную гримасу, обращенную к двери, и вышел в распивочную залу.

Хозяин гостиницы едва сумел скрыть вполне понятное изумление, когда увидел, что предполагаемая беглянка все еще находится под его кровом. Вдруг послышался стук колес: к дому неслась карета. Она влетела во двор гостиницы, и при свете лампы мистер Мерриот увидел, что из кареты выпрыгивает его слуга. Он сложил губы и тихо присвистнул.

– Должно быть, прибыл папаша, – задумчиво сказал он. – Хозяин, вот-вот потребуется и четвертая спальня.

Он вернулся в столовую и увидел мисс Летти, стоявшую у окна, она вглядывалась в темноту.

– Я думаю, что приехал ваш папа, – провозгласил мистер Мерриот.

– Боюсь, что вы правы, – согласилась мисс Летти. – Несмотря на свою подагру, бедняжка... О Боже! Клянусь всеми святыми, это Энтони!

Мисс Мерриот метнула на брата комический взгляд:

– Твои мечты сбываются, Питер. Летти, мы сгораем от нетерпения.

Мистер Мерриот встал рядом с сестрой и взял было понюшку табаку. Дверь отворилась, и на пороге появился большой джентльмен, который двигался крайне неспешно.

– Боже, да это просто мамонт какой-то! – шепнула мисс Мерриот на ухо брату.

– А, ты завидуешь? – парировал он. Джентльмен помедлил в дверях, поднес к глазам лорнет и со всей возможной церемонностью оглядел комнату. Он был весьма и весьма крупным мужчиной с широчайшими плечами и к тому же оказался обладателем весьма красивых ног. Казалось, он заполнил собой комнату; его осанка и самообладание, бесспорно, производили впечатление. На голове у него был простой каштановый парик с косичкой, в руке – трость, под мышкой – шляпа. Картину завершал эфес шпаги, выглядывавший из складок дорожного плаща.

– Похоже, джентльмен слегка раздражен, – шепнул мистер Мерриот, разглядывая внушительную складку у рта и квадратный подбородок пришельца.

– О, дорогой, как ты можешь так говорить? – удивилась мисс Мерриот, глядя прямо в серые глаза крупного джентльмена. В них отражалось спокойствие, и даже скука. Мисс Мерриот привстала и сделала реверанс. Не следовало давать этому джентльмену слишком много власти. Хотя, судя по всему, он привык именно к этому. – Шаркни ногой, милый. Мы должны произвести хорошее впечатление, – обернулась она к Питеру.

Лицо сэра Энтони смягчилось. Он улыбнулся, показав ряд ровных белых зубов, и поклонился с непринужденной легкостью:

– Мадам! Ваш покорный слуга! Сэр, к вашим услугам!

Мистер Мерриот взял за руку Летти.

– Позвольте возвратить вам мисс Грейсон, сэр, – сказал он, не обращая внимания на ее протесты.

Сэр Энтони не выказал особого желания принять руку Летти, а та вызывающе уставилась в его переносицу. Он все еще улыбался.

– Вас следует высечь, Летти, – сказал он мягко.

Мисс Грейсон залилась румянцем.

– Вот как, сэр, и для этого вы захватили сюда свою трость? – вызывающе спросила она.

– Нет, моя дорогая, но я был бы счастлив ею воспользоваться – для вашего же блага.

Питера Мерриота это развеселило, и он достаточно громко фыркнул:

– Клянусь небом, вот строгий поклонник.

– Вы... вы... очень грубый и... и... отвратительный! – выпалила возмущенная мисс.

Сэр Энтони положил свою шляпу и трость и начал снимать плащ. Словно потеряв всякий интерес к мисс Грейсон, он вынул табакерку, открыл ее и протянул мистеру Мерриоту. Рука его была очень белой и красивой, но в ней чувствовалась недюжинная сила.

– Сэр, – заметил он с сонной улыбкой, хотя его серые глаза под тяжелыми веками были вполне проницательными, – позвольте мне поблагодарить вас от имени моего друга сэра Хамфри Грейсона за услугу, оказанную его дочери.

Мистер Мерриот взял понюшку табаку. Серые глаза встретили взгляд других серых глаз; на губах мистера Мерриота играла улыбка.

– Небо, какие церемонии!.. – произнес он. – Я покорный слуга мисс Грейсон, и она может располагать мной.

Мисс Грейсон забыла о том, что она оскорблена:

– Тони, это было просто замечательно! Он выхватил шпагу в мгновение ока, и я испугалась, что его шпага проткнет насквозь этого гнусного мистера Мэркхема. У меня нет слов – в общем, он ударил рукояткой прямо в челюсть негодяю. – Она изобразила своим маленьким кулачком удар в челюсть. Подбородок у нее был удивительно изящный. – Он упал как подкошенный, – драматически заключила мисс Грейсон. Ее взгляд упал на мисс Мерриот, сидевшую у огня. – А мисс Мерриот просто прелесть, Тони! Она притворилась, что теряет сознание, и упала прямо в объятия мистера Мэркхема.

Мистер Мерриот бросил на сестру загадочный взгляд.

– Дорогая, по-моему, я тебя затмил... – пробормотал он и вновь повернулся к сэру Энтони: – Так-то мы оплакиваем нашего исчезнувшего поклонника. А где вы встретили моего Джона?

Он принялся разливать вино и протянул стакан крупному джентльмену.

– У Стилтона, – ответил сэр Энтони. – А вслед за ним я увидел и моего друга, мистера Мэркхема. Ваш слуга пытался спрятать фаэтон и лошадей, что... м-м... возбудило у меня некоторые подозрения. Ему пришлось открыть мне все.

Мистер Мерриот задумчиво разглядывал красивое, властное лицо.

– Странно, почему он вам доверился? – спросил он. Он слишком хорошо знал своего Джона.

Необычайно привлекательная улыбка озарила лицо сэра Энтони.

– Из-за моего личного обаяния, сэр, я полагаю, – сказал он.

Мисс Мерриот засмеялась.

– Мне начинает нравиться этот большой джентльмен, – заметила она, не обращаясь ни к кому в особенности. – И вы встретили нашего дражайшего мистера Мэркхема, сэр?

– Не совсем так, мадам. Вернее было бы сказать, что дражайший мистер Мэркхем промчался мимо меня, разбрызгивая грязь.

– Интересно, он вас видел? – В глазах мисс Мерриот прыгали искорки смеха.

– Совершенно в этом уверен, – ответил сэр Энтони.

– Тогда, как я понимаю, нам не следует ожидать его возвращения? – Мисс Мерриот подняла одну бровь.

– Едва ли он вернется, мадам, – спокойно ответил сэр Энтони.

Мисс Мерриот перевела взгляд на мисс Грейсон:

– О, моя дорогая, должна вам сказать, что этот крупный джентльмен мне по душе, уверяю вас!.. Сэр, вы уже обедали?

– До сих пор я не имел для этого времени, мадам. Но у меня есть все основания полагать, что хозяин уже готов накрывать на стол.

В этот момент, весьма кстати, вошел хозяин, за которым следовала служанка, несущая поднос. Стол был застелен свежей скатертью, и вслед за тем было подано блюдо с жареным цыпленком и откупорена новая бутылка вина.

– Вы позволите, мадам? – поклонился сэр Энтони, обращаясь к мисс Мерриот.

– Прошу вас, сэр, садитесь. Вы, верно, голодны как волк.

– Признаюсь, что терпеть не могу пропускать обед, – согласился сэр Энтони и начал резать цыпленка. – Вы сами видите, что мой аппетит сообразен моим размерам, – добавил он с юмором и оглядел свою внушительную фигуру.

Мисс Мерриот засмеялась было, но мисс Грейсон перебила ее.

– Обед, еда! – воскликнула она, нетерпеливо постукивая ножкой. (Сэр Энтони, кстати, не обращал на нее никакого внимания). – Тони, вы проскакали чуть ли не сотню миль, чтобы спасти меня, как я полагаю, а теперь вам нечего сказать нам, кроме того, что вы еще не изволили обедать?

– Последние двадцать миль эта мысль овладела мною целиком, – невозмутимо ответил сэр Энтони.

– А я тут в такой опасности!.. – возмущенно воскликнула мисс Грейсон.

Сэр Энтони отвел глаза от блюда и спокойно перевел их на нее.

– О, так вы были в опасности? – спросил он. – Я появился лишь затем, чтобы положить конец вашему сумасбродству, так я полагал.

– Да, я была в опасности! Да еще в руках такого монстра! – негодовала мисс Грейсон. – Удивляюсь вам, сэр!

Сэр Энтони подлил вина себе и мистеру Мерриоту.

– Милая Летти, – заметил он. – Вы так часто уверяли нас, что мистер Мэркхем является зерцалом всяческих добродетелей, что я оказываю вам честь, уважая ваше суждение.

Мисс Грейсон стала пунцовой и, казалось, была готова разрыдаться.

– Вовсе нет, Тони! Вы просто говорите... мне назло. И он совсем не образчик добродетели! Он противный и злой и... и вы тоже!

– Т-с-с, дитя. Джентльмен проголодался, и ему надо спокойно поесть, – остановил ее мистер Мерриот.

– Я не дитя! – вспыхнула мисс Грейсон и резко повернулась так, что ее юбка раздулась колоколом. Она тут же нашла себе убежище, прижавшись сбоку к мисс Мерриот. С этого безопасного места она со слезами выкрикнула: – И я лучше опять убегу в Гретну с этим монстром, чем выйду за вас, сэр Тони!

Сэр Энтони был невозмутим:

– Дорогая моя Летти, если вы совершили эту глупость только для того, чтобы избежать моего внимания, то, уверяю вас, это было совершенно излишне. Насколько мне известно, я никогда не просил вас выйти за меня замуж. И у меня нет ни малейшего намерения сделать это в будущем.

После такого сообщения мисс Летти подняла голову, глаза ее округлились. Она уперлась взглядом в сэра Энтони, который увлеченно занимался крылышком.

– Следует предположить, – резко сказала мисс Мерриот, – что джентльмен – большой оригинал!

Мистер Мерриот отвернулся, чтобы скрыть смех.

– О, эти семейные дела!..

– Но... но папа говорит... – начала мисс Грейсон. – Как, Тони, вы не хотите жениться на мне?

– Не хочу, – отрезал сэр Энтони.

Мисс Грейсон захлопала ресницами. Она, казалось, не была обижена.

– А почему? – спросила она наивно. Сэр Энтони поднял на нее глаза, в них прыгали чертики.

– Полагаю, Летти, потому, что у меня дурной вкус.

– Ах так!.. – Мисс Грейсон молча переваривала информацию. Она высвободилась из-под руки Кэйт и подошла к столу. Сэр Энтони при ее приближении встал и принял протянутую ему маленькую ручку. – Тони, а вы скажете папа? – спросила она.

– Я уже сказал ему, дорогая.

– И как он это принял? – тревожно спросила мисс Грейсон.

– Философически, дитя мое.

– Я так рада! – сказала мисс Грейсон со вздохом облегчения. – Если вы не хотите жениться на мне, Тони, я могу ехать домой со спокойным сердцем. И даже могу простить вас за то, что вы были таким злым.

– А я, – сказал сэр Энтони, – смогу, наконец, закончить свой обед.

Глава 3
МИЛЕДИ ЛОУЕСТОФТ

Кто-то тихонько поскребся в дверь, и мисс Мерриот крикнула: – Войдите.

В ее просторную спальню вошел мистер Мерриот и двинулся прямо к камину, перед которым стояла Кэйт.

– Ну, моя дорогая, ты ее поцеловала на ночь? – обратился он к сестре.

Мисс Мерриот сбросила туфли и ответила ему в том же тоне:

– Как, ты наконец расстался с большим джентльменом? (Мистер Мерриот пристально глядел в огонь, губы его медленно сложились в улыбку, а на щеках появилось что-то вроде румянца.) Боже, детка! И все из-за мамонта? Это крайне респектабельный джентльмен, дорогой мой.

Мистер Мерриот поднял глаза на сестру.

– Я думаю, что не хотел бы оказаться у него на пути, – заметил он несколько непоследовательно. – Но я бы доверился ему.

Мисс Мерриот засмеялась:

– Будь мужчиной, Питер, умоляю.

– Увы! – ответил мистер Мерриот. – Я чувствую себя женщиной.

– О, Прю, дорогая моя Прю, ведь он здравомыслящий виг! Неужели ты бы вышла за него замуж?

– Думаю, ты будешь смеяться, Робин. Мог ли ты представить, чтобы я влюбилась через два часа после знакомства? А, ты завидуешь росту этого джентльмена. Не так ли?

– Мой рост, дитя мое, сослужил мне хорошую службу. Я уверен, что именно маленькие мужчины – самые умные. Кстати, поздравляю, ты отлично владеешь шпагой.

– По крайней мере, старый джентльмен выучил меня одной-двум полезным штучкам, – невозмутимо ответила леди и закатала рукав камзола, показывая пятно на рукаве рубашки. – Мой последний стакан с мамонтом пошел в рукав, – сказала она, улыбаясь.

Брат ответил ей улыбкой.

– Что ж, этим вечером у нас было довольно работы, – заметил он. – Посмотрим, что будет завтра. Покойной ночи, дорогая, пусть тебе приснится твой мамонт.

– Но, видит Бог, мне и надобен мамонт по моему сложению, – сказала мадам Прюденс.

– А тебе пусть приснится твоя крошка, Робин.

Она вышла, напевая какую-то старинную песенку. Она видела, что ее брат беспокоится в ожидании завтрашнего дня, но ей самой была свойственна некоторая флегматичность и безмятежность, которая хорошо гармонировала с ее крупной статью. Прюденс взирала на жизнь спокойно и уверенно.

Истина была в том, что она слишком привыкла ко всяким опасностям, чтобы тревожиться по пустякам, и, конечно, они с Робином часто менялись одеждой, и поэтому она научилась не бояться запутанных ситуаций. Она полагалась на свою находчивость; когда же та ей изменяла, приходилось звать на помощь родителя. Невозможно было ходить его путями, не испытывая восхищения перед его фантастической изобретательностью. Прю относилась к отцу с любовью, хотя и не без доли иронии. Его непредсказуемость скорее забавляла ее, чем тревожила. Вообще-то девушка обычно соглашалась плясать под его дудку, но в семье считалось, что она не особенно любит приключения. Робин же, хоть возмущался таинственностью, которой любил окутывать себя отец, откровенно наслаждался сюрпризами судьбы. А его шалости и вызывающая дерзость становились причиной разнообразных передряг. Вместе с тем он отно-

сился к жизни серьезно, что было чуждо его сестре. У Робина бывали восторженные увлечения, и жизнь волновала его больше, нежели забавный спектакль.

Похоже было, что Робин принял эту последнюю авантюру близко к сердцу. Разумеется, он был заинтересован больше, чем полагала его сестра. Прюденс надеялась, что он бросился в эту авантюру только из любви к приключениям и по приказанию отца. Она помнила, как он плакал после сражения при Каллодене, положив ей голову на колени. Это было в их старом доме, в Перте. Робин плакал от ярости и горя и смахивал с глаз слезы с проклятиями и клялся больше не ввязываться в безнадежные дела.

Прюденс было все равно, сидел ли на троне Карл из рода Стюартов или Георг из рода Ганноверов; она подозревала, что и их отцу это тоже было безразлично. Он просто любил все героическое. Вихрь восстания закружил их семью, – но Бог знает, во имя чего оно совершалось. Они запутались в его сетях, прежде чем поняли, что произошло. Их отец стал мистером Кольни. Он произнес великолепную речь, и вдруг они все превратились в якобитов. Год назад, проживая во Флоренции, они были совершенными французами. Еще раньше существовал некий игорный дом во Франкфурте, владелец которого внезапно исчез, захватив сына и дочь, чтобы участвовать в дележе пирога, состряпанного Морицем Саксонским.

Французы, немцы, якобиты – для Прюденс было все одно.

Но к Англии она относилась иначе. Прю увлеклась этой страной. Англия стала для нее родным домом. Несомненно, в ней заговорила кровь матери – крупной, красивой и веселой женщины, которая умерла в Дьеппе, когда Робин был совсем маленьким.

Она сказала об этом Робину на следующее утро, перед отъездом в Лондон.

Робин рассмеялся – он накладывал грим:

– Дорогая, ты просто воплощение английской тяжеловесности.

– Мне тоже так кажется, – сказала мисс Прюденс. Ее взор упал на Джона, который складывал бритвенный прибор.

– Ба, дитя мое, ты побрился? Да у тебя еще ни волоска на подбородке!

На лице слуги появилась мрачная улыбка.

– Не худо было бы вам обоим быть поосторожнее, – произнес он. – Вы просто суете шеи в петлю. Джентльмен с сонными глазами все подмечает, уж поверьте мне.

– Ты что, испугался этой горы? – спросил Робин. – Я запросто обведу его вокруг пальца.

Слуга посмотрел на хозяина с глубокой любовью.

– Ох уж и хитры вы, мастер Робин, но и большой джентльмен не так глуп, как вы думаете.

Прюденс уселась на стул лицом к спинке, подперев подбородок ладонью. Она взглянула на Джона.

– А где сейчас старый джентльмен? Физиономия слуги осталась невозмутимой.

– Хоть я с ним и прожил много лет, но ответить на такой вопрос не возьмусь.

– А сколько ты с ним прожил, Джон?

– Я попал к нему в услужение, когда вас обоих еще на свете не было.

Робин положил заячью лапку для румян и встал.

– Да уж ты у нас все больше помалкиваешь, а, Джон? А может быть, ты знаешь, что он сейчас вытворяет?

– Может, и знаю, а может, и нет, – уклончиво отозвался тот. – Что миледи наденет сегодня?

Робин спустился в обеденную залу через двадцать минут – в белом платье и в розовых лентах. На голове сегодня оказалась соломенная шляпка с розочками и лентами. Прюденс была в строгом костюме – светло-коричневые брюки для верховой езды и камзол цвета кларета, она несла в руках тонкую мантилью, которую потом накинула на плечи «мадам».

Мисс Летти не терпелось пуститься в путь. Вскоре они отправились: Робин и юная леди скромно уселись в карете, а лжемистер Мерриот и сэр Энтони поехали верхом, в качестве эскорта.

Само собой, разумеется, пошли расспросы. Прюденс была готова к ним и отвечала без запинки. Она рассказала о поместье в Камберленде – это показалось ей достаточно отдаленным местом – и о большом путешествии на континент. Само собой, сэр Энтони в свое время тоже бывал там. Они на равных обсуждали иностранные города. Прюденс выказала прекрасное знание этих мест. В самом деле, она чуть ли не наизусть знала большую часть Европы и, кроме того, проявила большую осведомленность в отношении заведений, малодоступных для прекрасного пола. Она заметила, как приподнялись в удивлении прямые брови ее собеседника, и приготовилась к следующему вопросу.

– Для ваших лет вы повидали необычайно много, мистер Питер, – заметил сэр Энтони.

– Двадцать лет – это не так мало, сэр, – возразила она. По правде говоря, ей было не двадцать, а все двадцать шесть, но она знала, что в мужском костюме выглядит совершенным юнцом. – Я жил за границей с родителями несколько лет – до смерти матери. Она не выносила английского климата.

Сэр Энтони вежливо склонил голову и затем пожелал узнать, где мистер Мерриот собирается остановиться в Лондоне.

– Моя сестра должна навестить миледи Лоуестофт, сэр. Я ее спутник и полагаю, что ее милость устроит и меня тоже. Может быть, вы знакомы с нею? – спросила Прюденс.

– О, леди Лоуестофт знают все, – ответил сэр Энтони. – Если она не сможет принять вас или вам надоест это дамское царство, помните, дорогой мальчик, что мой дом в любое время к вашим услугам.

Прюденс покраснела от удовольствия и искоса взглянула на большого джентльмена. Это было неожиданно. Похоже, сэр Энтони проявляет к ней симпатию. Девушка серьезно поблагодарила джентльмена и узнала, что он владеет домом на Клэрджес-стрит.

Они въехали в Лондон уже в сумерках. Прюденс еще держалась в седле, но уже очень устала. Вначале необходимо было возвратить под отчий кров мисс Летти. Там же они оставили и сэра Энтони. Время было позднее, что послужило им оправданием – спасители явно не желали входить в дом. Правда, мисс Мерриот пообещала навестить Летицию в самое ближайшее время. Карета довезла их до Арлингтон-стрит и остановилась у дверей дома миледи Лоуестофт.

Прюденс соскользнула на землю со вздохом облегчения. Робин тронул ее за плечо:

– Ты умница, милый брат. Ну, теперь путешествию конец.

– Это лишь короткая остановка, – поправила брата Прюденс. – Не сомневаюсь, что окончательно обосноваться нам удастся только на том свете.

Чернокожий грум ввел их в гостиную. Это был просторный зал, сверкающий желтой парчой и позолотой. Миледи, похоже, была неравнодушна к новомодной французской мебели. Грум ушел доложить своей госпоже о прибытии гостей, а мисс Прюденс осмотрелась с комической гримасой.

– Клянусь небом, кажется, миледи Лоуестофт ни чуточки не изменилась, это все та же добрая, старая Тереза де Брютон, – заметила она.

Дверь распахнулась и тут же затворилась опять. В комнату вошла леди в огромном шелковом кринолине – леди с черными, узкими, как прорези, глазами на худом подвижном лице и в напудренном парике. На шее и на руках сверкали украшения. Леди стояла спиной к двери, не выпуская дверной ручки, и переводила взгляд с одного гостя на другого. Глаза ее стали еще уже, лицо просияло. Она засмеялась.

– Так кто же из вас мужчина, дети мои? – спросила она.

Прюденс отвесила поклон.

– С вашего позволения, я, мадам. Миледи быстрыми шажками двинулась к ней.

– О нет! Разве я тебя не знаю, душенька? Ну, Прю, дорогая моя! – Она обняла Прю и расцеловала в обе щеки. Робину тоже достался поцелуй, и юноша вернул его с большей ловкостью, чем его краснеющая сестра. Прюденс не любила светских ритуалов.

– А где же bon papa[2], дети мои? – вскричала леди, все еще держа их за руки.

– Мы надеялись, мадам, узнать это от вас, – сказал Робин.

Она вопросительно поглядела на них, склонив голову к плечу.

– Ах вот как? Вы не имеете о нем сведений?

– Это так, мадам. Мы потеряли старого джентльмена по дороге. Или он нас, – ответила Прюденс.

Миледи снова расхохоталась.

– Как бы я желала, чтобы он прибыл вместе с вами! Но этого нельзя ожидать! Да, он писал мне. Я вам расскажу... Но позвольте, вы устали! Вы должны сесть. Сюда, на кушетку. Мисс Мерриот... tiens[3], мне не выговорить такой фамилии! Прю, ангел мой, – шоколаду? Марта сама его приготовит. Вы помните Марту, да?

– Бог мой, толстуха Марта! – сказал Робин. – Я пил ее шоколад в Париже десять лет назад!

– Это она, душенька, только стала еще толще – о, просто гора! Вы не поверите своим глазам. Подумать только, что ты это помнишь, а ведь ты был тогда еще малыш, damin[4], и четырнадцати не было, правда? Но такой зловредный! А потом мы виделись в Риме, да?

– О нет, леди Лоуестофт, это было в посольстве... Мы тогда были... Кем же мы были? О, да, конечно, то был польский джентльмен с двумя сыновьями. А до этого, помнится, была та маленькая кутерьма в Мюнхене.

Миледи рассмеялась снова. Затем она окликнула пажа и послала его с приказаниями к Марте.

– Значит, старый джентльмен писал вам, мадам? – спросила Прюденс. – И сообщил, что пришлет нас?

– Сообщил? Роберт? Mon Dieu[5], да разве его когда-либо можно было понять? Конечно, все, что он написал, было очень таинственно, и никаких имен.

Прюденс фыркнула.

– Да уж, в этом мы не сомневаемся. Но вы поняли?

– A vrai dire[6], я догадалась – я знаю Роберта. О, он мог на меня положиться! Это связано с восстанием, нет? – Она чуть понизила голос, ее глаза были острыми, как булавочки.

Робин приложил палец к губам.

– Не буду скрывать, мадам. Я полагаю, что есть приказ о моей поимке.

Ее яркие губы сложились в трубочку, и она сморщила нос, тихо присвистнув.

– Значит, он и вашу голову сунул в петлю?

– Ах, мадам, говоря по правде, я был и сам не прочь. Прюденс была достаточно надежно спрятана в Перте.

Миледи с сияющей улыбкой повернулась к Прюденс.

– А я думала, что ты была в самой гуще боя, дитя мое. Но это хорошо. Где же вы обретались после восстания? Позвольте, ведь все это давно кончилось, а вы только сейчас появились у меня!

В глазах Робина мелькнуло горестное выражение.

---

[2] Папочка (фр.).

[3] Ах (фр.).

[4] Мальчик (фр.).

[5] Бог мой (фр.).

[6] Сказать по правде (фр.).

Вместо него ответила Прюденс:

– Робин спасался в горах, миледи.

– В горах? – Миледи чуть подалась вперед. – С принцем, нет?

Робин сделал нетерпеливое движение. Он нахмурился сильнее.

– Некоторое время.

– Ходили слухи, что он скрылся. Это правда?

– Он в безопасности – во Франции, – кратко ответил Робин.

– Бедный молодой человек! А ваш bon papa? Куда же направился он?

– Господи, мадам, вы это спрашиваете у нас? – засмеялась Прюденс. – Во Францию, может быть, а может быть, он все еще в Шотландии. Кто знает?

Дверь отворилась, и паж; пропустил вперед толстуху Марту с подносом в руках. Это и правда была женщина-гора, с необъятной талией и круглым, как луна, лицом, на котором сияла улыбка. Как и ее госпожа, она взглянула на одного, на другую и разразилась смехом, от которого ее тело заколыхалось, как желе. Она поспешно поставила поднос и прижала руки к груди:

– Ой ля-ля! И подумать только, маленький мсье одет дамой!

Робин величественно подплыл к ней и низко склонился в реверансе:

– Ваша память изменяет вам, Марта. Я – Прюденс!

Она игриво шлепнула его по руке:

– Моя память, как бы не так! Нет, нет, мсье, у вас пока не хватает росточка, чтобы стать мадемуазель!

– О злючка! – шутливо простонал Робин и расцеловал ее.

– Марта, все должно быть в полной тайне, ты понимаешь? – настойчиво сказала ее хозяйка.

– Bien madame, я не забуду. – Марта приложила палец к губам. – Стойте, я сама буду обслуживать ненастоящую мадемуазель. – Она деловито спросила: – Джон все еще с вами?

– Как можно сомневаться? – ответил Робин.

– Тогда все прекрасно. Никто ничего не заподозрит. Пойду займусь спальнями.

Она ушла вразвалку, через некоторое время она уже была в комнате Робина и бранила Джона за какую-то провинность.

Глава 4
МИСС ПРЮДЕНС НАЕДИНЕ С СОБОЙ

От миледи Лоуестофт можно было много узнать об обществе и политике. Она вращалась в аристократических кругах и была там заметной фигурой, ибо обладала достаточным богатством, некоторой привлекательностью и живостью манер, явно чужеземной и поэтому интригующей. При всем этом она отличалась умом и проницательностью. Она овдовела чуть более года назад. Сэра Роджера Лоуестофта предали земле с соблюдением всех положенных условностей. Оплакав его надлежащее время, отмеченное приличествующим трауром, леди Лоуестофт начала самостоятельную жизнь, обещавшую куда больше удовольствий, чем в ее бытность замужем. Следует признать, что утрата сэра Роджера не стала для нее непереносимым ударом. Кое-кто слышал, как она говорила, что от его английской респектабельности у нее начинаются колики. Нет сомнений, что в дни девичества миледи была весьма живым созданием. Затем возник сэр Роджер и бросил к ее ногам свою благонамеренную особу вместе с немалыми богатствами. Она приняла и то и другое.

– Видите ли, я уже не так молода, – заявила она своим друзьям. – Пора и о себе подумать.

Из этих соображений она вышла за сэра Роджера замуж и прекрасно играла роль супруги посла, завоевав популярность в свете.

Теперь же она уютно устроилась в своем доме на Арлингтон-стрит, с заботливой толстой Мартой, с обезьянкой на цепочке, прячущейся в складках ее юбок, как то предписывала мода, и с чернокожим пажом на посылках. Она устраивала богатые приемы, у нее было много знакомых и, кроме того, несколько преданных обожателей.

– Вы понимаете, эти англичане считают меня оригиналкой, – воскликнула она, обращаясь к Прюденс. – Я всегда имею успех, parole d'honneur[7].

Не ожидая ответа, она заговорила о другом. Она порхала с темы на тему с легкостью бабочки. Она многое могла бы порассказать о недавних казнях; леди в ужасе воздевала руки и сыпала едкими замечаниями по-французски. Она говорила о его светлости лорде Камберленде без особого восторга, а его страшное прозвище вызывало у нее презрительный смех, тут же сменявшийся слезами – при мысли о том, как он заработал его. Кровь! Должно быть, Англия не может жить без нее. Она демонстративно вздрагивала. Нет, нет, больше никаких казней, это решено! И никаких восстаний! Ах, все это безумие, самое ужасное безумие! Черт возьми, как могли Мерриоты связаться с таким пропащим делом?..

Они сидели за столом одни, лакеев отослали, отпустили даже маленького черного пажа. Прюденс отвечала на вопросы миледи, а Робин погрузился в молчание.

– О, поверьте, мэм, мы сами задаем себе этот вопрос! Видно, у старого джентльмена с головой не все в порядке. Просто beau geste[8], ничего более, я в этом убеждена!

– Но глупо, дитя мое, это глупо! У них не было надежды. Более того, мы тут все прекрасно ладим с этим маленьким неистовым Георгом. Ба, зачем все разрушать из-за какого-то хорошенького принца?

– За ним все права, – сумрачно ответил Робин.

– Что до того, я в этом ничуть не разбираюсь, дитя мое. Вы, англичане, выбираете себе в короли иностранца. Bien! Но тогда вы не должны восставать против него! Нет, нет, это неразумно.

– Но вы забываете, мадам, что не все выбирали его.

---

[7] Клянусь честью (фр).

[8] Благородный жест (фр.).

Она бросила на него взгляд.

– А, так он и тебя очаровал, этот милый принц? Но ты... нет, душенька, ты совсем не якобит. Это увлечение, не более.

– О, я теперь вообще никто, мэм, не тревожьтесь. Больше я не вмешиваюсь в дела принцев.

– Это мудро, – одобрила она. – На сей раз ты ушел. В следующий раз – как знать?

Он беззаботно рассмеялся:

– Что касается этого, миледи, я еще не считаю себя в безопасности.

Прюденс вдруг помрачнела. Она с тревогой взглянула на миледи, которая тотчас наклонилась, похлопав ее по руке.

– Все, не будем об этом! Au fond[9] ведь вы, англичане, не любите смотреть, как течет кровь. Все чувствуют, что ее уже довольно: времена меняются. Затаитесь на время, и гроза пройдет мимо. Я в этом уверена – moi qui te parle[10].

Робин скорчил гримасу, глядя на сестру:

– Это существо, мадам, непременно берет на себя роль матери!

– Вы только взгляните на этого ментора! – отозвалась Прюденс. – Даю слово вам, мадам, он вечно бранит меня, куда там старому джентльмену. Видит небо, у него язык хуже осиного жала.

Разговор перешел на выходки мистера Кольни. Миледи не могла не высказывать догадок о его местопребывании. Ну а покорные дети не могли себе позволить даже предположить что-либо. Им было достаточно знать, что местом встречи назначен Лондон, где они должны со всем почтением ожидать отца.

Миледи выразила тревогу; Прюденс отделалась шуткой. Миледи не терпелось узнать о роли мистера Кольни в восстании; но в ответ на все ее вопросы дети лишь поднимали брови и пожимали плечами.

– Eh bien[11], может ли он безопасно показаться в Лондоне? Разве он не был слишком заметен на севере?

Робин со смехом сказал:

– Боже ты мой, мадам, неужто бывало, что он не был замечен? У него везде темные интриги, и там, и сям, а он между всеми как посредник. Что о нем известно? Ничего! Но я готов поставить последнюю гинею за то, что он умеет ловко заметать следы.

Миледи задумалась, но было видно, что она все еще немало тревожится за ce cher[12] Роберт, который появится в Лондоне и, в сущности, явится прямо в логово льва. Прюденс улыбнулась:

– Миледи, он часто говорил нам, что фраза «Я что-нибудь придумаю» вполне может служить ему девизом, и я ему верю.

– «Я что-нибудь придумаю», – размышляла миледи. – Да, в этом весь Роберт... Но ведь это девиз с герба Тримейнов!

– О, один из ваших старинных родов. Они уже к тому же много лет и виконты Бэрхем, извольте знать. Последний из них умер несколько месяцев назад, и титул сейчас носит какой-то отдаленный кузен, кажется, его зовут Ренсли.

– Ну тогда наш бедный папочка может взять этот девиз себе, – заявила Прюденс.

---

[9] В глубине души (фр.).

[10] Это я вам говорю (фр.).

[11] Ну что же (фр.).

[12] Этого милого (фр.).

Ей хотелось разузнать о сэре Энтони Фэншо, и она направила разговор в другое русло. О мисс Летти и ее опрометчивом поступке не было сказано ни слова, с сэром Энтони они случайно повстречались в дороге, так же как и с неким мистером Мэркхемом.

Услышав последнее имя, миледи наморщила лоб; было видно, что она не числит мистера Мэркхема в числе своих друзей. Когда ее стали расспрашивать, она объяснила, что это человек mauvais ton[13], отъявленный игрок, самое поразительное, что он принят во многих домах, хотя, возможно, его принимали только из-за дружбы с милордом Бэрхемом.

– Оба – птицы весьма невысокого полета, – заключила она. – Не имейте с ними дела, дети мои. Обоих считают опасными, и оба мошенники. В этом я убеждена.

– А сэр Энтони? – спросил Робин, бросив лукавый взгляд на сестру. – Он тоже мошенник?

Миледи сочла это изумительным:

– Бедный сэр Тони! Будьте покойны, это весьма достойный джентльмен! Из хорошей семьи, богат, очарователен, но... фи! Совершенно непроницаем. Ах, эти англичане! – Она покачала головой. – Такая флегматичная нация...

– Он проявляет вполне отеческий интерес к моей маленькой сестрице, мэм, – торжественно сообщил Робин. – Боюсь, он нас разлучит.

– Робину непременно нужны всякие жесты, миледи. – Прюденс была невозмутима. – Я не новичок в притворстве. Не думаю, что сэр Энтони меня разоблачит.

– Дорогая моя, да он ничего не видит даже у себя под носом, – уверила ее миледи. – Тебе нечего бояться. Увидишь его завтра у меня на рауте. Будет весь свет.

Больше о сэре Энтони не говорили; но Прюденс почему-то вспомнила о нем, когда готовилась ко сну. Она сняла с себя камзол – и не без труда, ибо он был сшит у самого модного портного и чрезвычайно плотно облегал фигуру, и задержалась ненадолго перед высоким зеркалом, оглядывая себя. Она увидела стройную фигуру; против этого никто бы не смог возразить. И обнаружила, что пытается угадать, понравилась бы она этому самому сэру Энтони, с его ленивой речью и сонными веками. Она сомневалась, что в этом джентльмене чересчур сильна любовь к респектабельности. Она уперлась руками в стройные бедра и глядела невидящим взглядом в свои серые глаза, отражающиеся в зеркале. Она никак не могла выкинуть сэра Энтони из головы.

Респектабельный!.. Да, таким эпитетом бродяга награждает почтенного джентльмена. Может быть, для мужчины это слишком скучно, но было в его лице нечто внушающее доверие, перед ним не хотелось притворяться. Нельзя было и представить, чтобы большой джентльмен мог опуститься до хитростей и маскарада. Тем хуже для него, окажись он вдруг в каком-нибудь темном углу. Маскараду можно дать и другое, ужасное название: скажи только «ОБМАН» – ив нем уже нет ничего хорошего!.. Но если назвать то, что они делают, по-другому – «борьба с превратностями судьбы»... Это звучит гораздо лучше.

Красивые губы в зеркале изогнулись в презрительной усмешке. Бороться с превратностями судьбы или со всем миром – это прекрасно. Но выступать с обманом против одного человека – уже не так хорошо. Одно – это рискованная игра, где все поставлено на карту, а второе не слишком отличается от обычного жульничества. Сэр Энтони относится к ним дружелюбно; как неприятно думать, что она должна прятаться за фальшивым фасадом.

Поймав себя на этой мысли, она отвернулась от зеркала и начала раскалывать кружева у горла. О да, опасно удариться в умиление только потому, что большой джентльмен взглянул на нее с добротой. Сентиментальная страна – эта Англия: она пробуждает в душе мечту о безопасном существовании.

[13] Дурного тона (фр.).

Жабо полетело на стол, она чуть-чуть усмехнулась. Смешно думать о безопасности с таким отцом, как мистер Кольни. Она уныло подумала о том, что ее отец что-то вроде мошенника, и весьма малопочтенного притом. Игорный дом во Франкфурте, о Боже! Она невольно улыбнулась при воспоминании о нем. Трудные времена, полные превратностей, она в костюме мальчика, так же как и теперь. Старый джентльмен считал, что будет мудро одевать ее так. Если вспомнить, кто бывал в этом игорном доме, придется признать, что он был в некотором роде прав. Игральные кости в одном кармане, пистолет – в другом, да! Хорошенькая школа для девушки, только что вышедшей из детского возраста. Сумасшедшая жизнь, да, но в ней было и много хорошего. В конечном итоге, кое-чему можно было научиться. Одна только жизнь вместе со старым джентльменом – это уже образование. Ты учился у него, но если тебе потом захотелось жизни, в которой царит надежность, само его существование воздвигало перед тобой преграду.

Она поймала себя на том, что снова вернулась к сэру Энтони, и тут же решила начать действовать. Она смутно предчувствовала, что впереди ее ждут трудности, но оставалась верна себе, отмахнулась от этих мыслей – будь что будет. У нее найдется время ломать себе голову завтра, когда трудности появятся.

Прюденс отдернула тяжелые занавеси у кровати и по привычке сунула под подушку маленький, отделанный золотом пистолет. Она устроилась на огромном ложе, которое могло бы вместить четверых, и очень скоро уснула. Ни будущее, скрытое во тьме, ни сэр Энтони не могли потревожить сна Прюденс, хотя, возможно, заняли свое место в ее снах. В конце концов, никто не может повелевать собою, когда спит.

Глава 5
СЭР ХАМФРИ ГРЕЙСОН ОЖИДАЕТ МИСТЕРА МЕРРИОТА

На следующее утро сэр Хамфри Грейсон нанес визит мистеру Мерриоту. Эта весть застала Прюденс в будуаре миледи Лоуестофт, где она беседовала с хозяйкой. Сложности туалета задержали Робина у себя наверху. Сестра оставила его, занятого шнуровкой корсета, каковую операцию производил Джон, а юный джентльмен расцвечивал ее аккомпанементом отборных ругательств.

Миледи, услышав о появлении сэра Хамфри, была вне себя от любопытства. Она не могла и подумать, что Мерриоты были знакомы в Лондоне еще с кем-то, кроме нее самой, и желала скорее узнать, как они познакомились с сэром Хамфри, который к тому же вел жизнь затворника.

Прюденс мысленно предала сэра Хамфри проклятиям; казалось, что он только добавит им сложностей. Чем меньше людей узнали бы об эскападе мисс Летти, тем лучше было бы для этой непоседливой барышни, но Прюденс напомнила себе, что ей хватает своих собственных тайн и секретов, чтобы думать еще и о чужих. Она избегала давать ответы на вопросы миледи. Она сказала, что не имеет чести быть знакомой с сэром Хамфри, но думает, что сэр Энтони Фэншо замолвил за них словечко. Наконец миледи сдалась. Прюденс отправилась вниз, в комнату с окнами на улицу, в которой обычно принимали утренних посетителей.

Как только она вошла, высокий худой джентльмен поднялся с кресла. Он был сутуловат и хром; на голове у него был модный пудреный парик, но румянами он пренебрег. Карие глаза, вовсе не похожие на глазки мисс Летти, были омрачены тревогой. У него был вид человека, преждевременно постаревшего вследствие плохого здоровья.

Джентльмен поклонился мистеру Мерриоту, не оставляя своей трости. Мистер Мерриот ответил поклоном и предупредительно придвинул кресло.

– Сэр Хамфри Грейсон, я полагаю? Сэр, для меня это большая честь. Не хотите ли присесть?

Сэр Хамфри оглядел мистера Мерриота. Лицо его смягчилось. Молодой джентльмен, – конечно, был большой франт, он обращался к сэру Хамфри со старомодной учтивостью. Он уселся в кресло, помянув свою подагру. Одно плечо у него было выше другого. Было видно, что пожилому джентльмену этот визит не доставлял особого удовольствия.

– Мистер Мерриот, я полагаю, вам понятна причина моего визита. – Он сразу приступил к делу: – Позвольте мне быть откровенным. Я в долгу перед вами за свою дочь.

Старик явно был с характером. Ему можно было посочувствовать: такой удар по самолюбию.

Прюденс поспешила возразить:

– О сэр, ради всего святого, нет нужды говорить об этаком! Сделайте одолжение, забудьте о моей ничтожной услуге!

Старик оттаял.

– Подумайте сами, мистер Мерриот. Вы должны оказать мне честь, приняв мою глубочайшую сердечную благодарность за то, что вы спасли мою дочь.

– О сэр, это такие пустяки. Я сыграл свою роль всего лишь за полчаса до прибытия сэра Энтони. Он бы мгновенно уладил это дело. Умоляю, не будем говорить об этом! Я счастлив был услужить мисс Грейсон. Или лучше поблагодарите мою сестру, сэр, она проявила находчивость и устроила маленькое представление.

Сэр Хамфри позволил себе улыбнуться и склонил голову.

– Я, в самом деле, желал бы выразить благодарность мисс Мерриот. Моя глупенькая дочь не может говорить ни о чем, как только об этом самом представлении. По крайней мере, позвольте сделать вам комплимент как искусному фехтовальщику.

Прюденс ответила ему смешком:

– Старый прием, сэр, но полезный. Надеюсь, мисс Грейсон благополучно перенесла это приключение?

– Будьте уверены, сэр, моя дочь неисправима! – Однако при этом сэр Хамфри не мог скрыть улыбки.

– Но, сэр, в конце концов, она совсем дитя, с детским желанием романтики и приключений.

– Ее поведение могло бы привести к ужасному скандалу, мистер Мерриот.

Прюденс заметила некоторое беспокойство в глазах сэра Хамфри и поспешила успокоить его.

– Сэр, у вас не должно быть ни малейших опасений на сей счет; в этом я убежден. Никто, кроме сэра Энтони и нас двоих, ничего не узнает об этом деле.

Последовал еще поклон.

– Моя дочь должна считать себя счастливой, поскольку встретила столь надежного друга, – произнес сэр Хамфри.

Эта чрезвычайная церемонность начинала угнетать Прюденс. Ей пришла в голову счастливая мысль послать за Робином. Сэр Хамфри выразил пылкое желание высказать свою благодарность мисс Мерриот. Чернокожего Помпея мигом послали наверх за Робином, который вскоре и появился, весь в пудре и в мушках, двигаясь в облаке ароматов: прекрасное видение в нежно-голубой тафте. Прюденс подумала, что ни одна девушка не могла бы выглядеть лучше.

Последовали реверанс, несколько скользящих шажков к сэру Хамфри, и ему была протянута нежная рука. Сэр Хамфри склонился к ней – и Прюденс чуть нахмурилась. Ей было неловко, что старый придворный вынужден целовать руку ее бессовестного брата. Лукавый взгляд Робина она встретила с упреком. Робин опустился в кресло, утопая в волнах шелка.

– Сэр Хамфри, я протестую, это чересчур любезно с вашей стороны! Мисс Летти говорила о вашей склонности к уединению. Поверьте, вам не было нужды изменять своим привычкам. Нет, нет, сэр, вы не должны благодарить меня за прошлый вечер. – Он прикрыл лицо веером, из-за него сияли лукавые глаза. – Пощадите, сэр, я краснею! Только представьте меня, теряющую чувства в объятиях Мэркхема! О Боже!

Прюденс могла теперь ретироваться – Робин овладел ситуацией. Она села на диванчик у окна и втихомолку восхищалась ловкостью брата. Похоже, тот решил очаровать сэра Хамфри. И Прюденс могла догадаться почему. О, конечно, затевается новое дело. Но все-таки нехорошо, что Робин так усердно строит глазки пожилому джентльмену. Господи, ну и характер у мальчишки!

И в самом деле, эти двое завели весьма оживленный разговор. Оказалось, Робин обладает чудесным даром – он сумел разговорить чопорного старика. Через десять минут он уже считал сэра Хамфри своим другом и даже очень деликатно коснулся неосторожного поступка мисс Летти. Но даже тут его не оборвали – лишь одно-два слова свидетельствовали о том, как обеспокоен сэр.

Робин отложил в сторону свой веер из цветных перьев. С очаровательной смесью почтительности и кокетства он заявил воркующим голоском:

– Простите мне мою дерзость, сэр Хамфри, я едва решилась заговорить об этом! – и получил заверение в том, что сэр Хамфри не только прощает, более того, он весь внимание. – Знаете ли, – мадам Кэйт доверительно улыбнулась ему. – Я все-таки на несколько лет старше, чем наше милое дитя. Может быть, вы разрешите шепнуть вам на ухо словечко-другое?

Сэр Хамфри умолял оказать ему такую любезность. Прюденс у своего окна была позабыта. Ничего не поделаешь; ей оставалось только сидеть в тени, коли на Робина нашел такой неудержимый стих, что он не мог остановиться. Бог ты мой, но ведь они все глубже запутываются в своей лжи!

Робин нежно ворковал, сэр Хамфри на лету ловил его советы. Ему не стоит так ограничивать свободу мисс Летти: ведь она такая живая, и ей нужны развлечения. Слишком молода? Фи, сэр, никогда так не думайте! Вывозите ее в свет; покажите ее в обществе. И не думайте о том, чтобы увезти ее назад, в Глостершир. Это было бы роковой ошибкой...

И так это продолжалось, что немало позабавило Прюденс. Видимо, Робин желает поддержать знакомство. Неужели попался на приманку бархатных глаз?

Но следующие слова заставили Прюденс посерьезнеть. Сэр Хамфри осмеливается просить мисс Мерриот о величайшем одолжении. Его сестра, возможно, уже не годится на роль спутницы для такой живой девушки, как его Летиция. Он будет считать себя вечным должником мисс Мерриот, если та согласится принять Летти под свое крыло.

«Ну и как нам теперь отвертеться?» – подумала было Прюденс, однако оказалось, что Робин и не думает отвечать отказом. Последовали изъявления полнейшей готовности; он заявил, что ждет мисс Грейсон на следующий же день.

«Мошенник!» – подумала Прюденс и повторила это вслух, как только сэр Хамфри церемонно откланялся.

Робин расхохотался и присел в шутливом реверансе. Нет, положительно, сегодня в него бес вселился.

– Ради Бога, дитя мое, будем серьезны. Чего ты только что наобещал?

– Стать другом маленькой темноглазой красавицы. Я полон рвения.

– Это очевидно. – Тон сестры был сух. – Я думаю, ваша дружба ничего не даст, Робин.

Подвижная бровь Робина взлетела вверх.

– Что такое? У моего Питера нервы шалят? Честное слово, я думал, что у тебя их вообще нет. Насколько я могу судить, разоблачение нам не грозит.

– Нет, конечно, дитя мое. Ты бесподобен, – сказала Прюденс искренне. – В тебе больше грации, чем когда-либо было во мне, даже когда я в своих юбках. Просто... мое чувство благопристойности оскорблено.

Голубые глаза сверкнули, подбородок слегка вздернулся.

– Ты сомневаешься во мне? Merci du compliment![14]

Прюденс не дрогнула.

– Вот-вот, вылитый старый джентльмен. Красивый жест!

Подбородок юноши опустился, губы на мгновение сжались, а затем расплылись в улыбке.

– Ты и святого сведешь с ума, Прю. Почему мы должны отступать?

Воспоминания о ночных сомнениях проносились в голове Прю.

– Это дурацкий трюк. Ты становишься обманщиком.

– Я стал им в тот момент, когда впервые напялил на себя эти чертовски неудобные юбки, дорогая. Я достойно ответил?

Невозможно выразить все эти туманные идеи в простых словах.

– Думаю, что да, – медленно ответила Прюденс. – Знаешь, я сама себе перестаю нравиться.

Робин взглянул на нее и обнял за талию:

– Одно твое слово – и я увезу тебя во Францию и мы со всем этим покончим.

– Мой милый Робин! Нет, я выбрала эту дорогу, и мы останемся здесь.

[14] Спасибо за комплимент (фр.).

– Мне кажется, что дело идет к концу. Смотри на все легче, моя дорогая. Да, это обман, но мы никому не делаем зла.

Прюденс была настроена скептически.

– О, ты думаешь о малютке Грейсон? Не сомневайся во мне.

– Я не сомневаюсь. Но она думает, что ты женщина, и есть вещи, которые она может сказать, но которые тебе не полагается слышать.

– Думаешь, я не смогу остановить ее? Разговоры-то ведь буду вести я. Не тревожься.

– А если она узнает правду?

– Я не боюсь этого.

Похоже, больше сказать было нечего.

– В таком случае мы доведем дело до конца. Что ж, я довольна.

Глава 6
МИСТЕР И МИСС МЕРРИОТ ПРИНЯТЫ В СВЕТЕ

Миледи Лоуестофт не преувеличивала, когда говорила, что на ее рауте будет весь свет. Она знала, что весь свет – это высший свет, а он благосклонно относится к ее милости. Миледи сияла от счастья, видя свои салоны переполненными. Внизу были накрыты столы со всевозможными угощениями: воздушные пирожные и миндальный ликер, непривычная французская стряпня и превосходное бургундское покойного сэра Роджера, засахаренные фрукты всех мыслимых сортов и французское шампанское, искрящееся в бокалах. Была и особая комната для игры в карты. Желающие могли спастись от болтовни и звуков скрипок в верхнем салоне и обнаружить здесь развлечение в виде игры в кости. Миледи была большой любительницей азартных игр, однако обязанности хозяйки держали ее в главных комнатах, где люди входили и выходили, собирались в группы, чтобы побеседовать, и снова расходились. Они приветствовали вновь прибывших или благосклонно соглашались насладиться игрой скрипачей, которые вовсю старались в глубине комнаты.

Робин, в обличье мисс Мерриот, держался поближе к миледи. Он был в платье «цвета розы». Ожерелье сверкало на его белой груди, руки украшали браслеты. Если в его внешности и можно было к чему-то придраться – так это к рукам. Ямочки и округлости, которые считаются непременным атрибутом женской красоты, здесь – увы! – отсутствовали. Зато больше никакого изъяна обнаружить было нельзя. Светлые волосы были собраны в высокую прическу, щедро напудрены и украшены драгоценностями. Лицо было белым и розовым, как у каждой девушки, а голубые мечтательные глаза под тонко подведенными бровями и прямой носик могли стать предметом зависти для любой красавицы. Черная ленточка вокруг шеи подчеркивала сливочную белизну кожи. Талия, благодаря усилиям Джона, достаточна стройна, а ножка, выглядывавшая из-под подола юбок в цветочек, достаточно мала, чтобы не привлекать нежелательного внимания. Может быть, для такой изящной леди она и была великовата, но высокий каблук скрадывал ее истинные размеры.

Его манеры были безупречны. Отступив немного подальше, Прю критическим оком наблюдала за ним. Робин несколько раз до этого переодевался в дамский костюм, но никогда не носил его так долго. Она научила его всему, чему могла, и все-таки опасалась промаха. Ей пришлось признать, что она недооценивала его. В самом деле, он словно создан для этой роли. Его реверансы – просто шедевры грации, а манера, с какой он подавал руку молодым щеголям, – верх артистизма. Прюденс сотрясал внутренний смех. Казалось, он инстинктивно знал, как следует играть веером и как раскидывать свои широкие юбки в реверансе. Очевидно, он не нуждался в особом присмотре. Его сестра отвела глаза от него, думая, что многое бы дала, чтобы слышать, что же такое он говорит прекрасной мисс Каннинг, стоявшей рядом. Если только он удержится от озорства, можно ни о чем не беспокоиться. Прюденс повернулась и подошла к миледи Лоуестофт, оживленно беседующей с мистером Уолполом, который жил чуть ли не за утлом и, разумеется, явился позже всех.

Миледи отвела элегантного мистера Уолпола подальше от Прюденс и, наконец, сдала его на руки своему дорогому другу Джилли Уильямсу, который стоял у огня, мило беседуя с едва проснувшимся мистером Сельуином.

Шурша шелками, миледи вернулась к двери, так как по лестнице все еще поднимались гости.

Она шепнула Прюденс:

– Я увела его подальше. Очень проницателен, милочка! Ты просто не поверишь. Я боялась, что он будет проявлять чрезмерное любопытство... Ах, мадам! – Она приветствовала

реверансом новую гостью и через секунду уже обменивалась остротами с милордом Марчем, этим мрачным пэром.

Джентльмен, только что представленный Прюденс, предложил ей партию в пикет. Она спокойно взглянула на него и выказала полную готовность. Ей было довольно и минуты, чтобы понять, что она – тот самый ягненок, которого наметили для заклания. Что же, покажем джентльмену, на что мы способны.

В игорной комнате было несколько мужчин, одни бросали кости, другие праздно наблюдали, несколько человек играли в ландскнехт. Прюденс уселась вместе с сэром Фрэнсисом Джоллиотом за стол подальше от двери и с полным спокойствием приняла размер ставок. Ставки были приличные, но ей уже приходилось играть по-крупному, поэтому Прю не волновалась.

– Вот игра, которая мне чертовски нравится, – заметил сэр Фрэнсис. – Вы играете?

– Немного, сэр, – ответила Прюденс, демонстрируя некоторое сомнение. Она сбрасывала карты. Сэр Фрэнсис с неизменным добродушием улыбался ей через стол. Он уже сыграл до этого с одним молодым провинциальным джентльменом и уже предвкушал в этот вечер большой куш. Когда игра кончилась, он посочувствовал мистеру Мерриоту и предложил новую партию, на что Прюденс сердечно согласилась.

Она уже поняла, что играет в пикет лучше, чем ее партнер. При достаточном внимании ей удастся самой снять шкуру с волка. Это было бы забавно. Сдавая уже без всякой нерешительности, но и не слишком безрассудно, она выиграла эту партию. Сэр Фрэнсис похвалил ее карту и предложил третью партию.

– Я сдаю! – весело заметил сэр Фрэнсис. – Не думал, что вы оставите даму, раз выбросили червонного короля.

Прюденс чуть нахмурилась.

– Разве я сбросил короля? Вы так быстро играли, что я... я едва успел заметить... – Она не окончила фразу, но сэр Фрэнсис был уверен, что понял ее правильно, и, усмехнувшись, начал исследовать свои карты.

В дверях комнаты остановился новый гость – очень крупный джентльмен с широкими плечами, в камзоле бордового бархата, с красивым, волевым лицом. Глаза под тяжелыми веками обратились на Прюденс.

– Как, это вы, Фэншо! Я думал, вы уехали. Кто-то сказал, что вы в Уич-Энде. – Мистер Траубридж, стоявший неподалеку, подошел к сэру Энтони и протянул ему табакерку. – На кого это вы смотрите? А, протеже миледи Лоуестофт! Его фамилия Мерриот, весьма приятный юноша. Такая внешность должна пленять дам.

– Должна, – ответил сэр Энтони. – А Джоллиот, как я погляжу, времени даром не теряет.

Мистер Траубридж засмеялся. В конце концов, ему-то какое дело?

– Не сомневайтесь в нем. Кстати, у юного Аполлона имеется изумительная сестра. Вы ее видели? Красавица, в вашем вкусе. Она наверху, в гостиной.

– Я уже представлен ей. – Сэр Энтони все еще не спускал глаз с ничего не подозревающей Прю. – Говорите, они из провинции? По виду не скажешь. Наш юный джентльмен за тем столом, – он едва заметно указал на Прюденс, – просто столичный щеголь.

– Очень модный, вы правы. Ну, ему понадобится изрядная сообразительность, коли он садится играть с Джоллиотом. – Мистер Траубридж засмеялся и бросил взгляд в направлении стола для пикета.

Прю сидела боком, рука ее лежала на краю стола, одна нога вытянута. На ней был камзол тускло-золотой парчи с очень широкими фалдами, торчащими в стороны, и огромными манжетами, отвернутыми чуть ли не до локтей. Пена кружев украшала запястья и воротник. Напудренные волосы на затылке стянуты черной лентой, поверх которой красовалась пряжка с драгоценными камнями. Она смотрела на свои карты, раскрытые веером; лицо ее было непро-

ницаемо. В уголке рта была посажена мушка, вторая примостилась на скуле. Другая рука, со сверкающим кольцом, легко лежала на подлокотнике кресла. Как бы почувствовав на себе чужой взгляд, она внезапно подняла глаза и увидела сэра Энтони. Щеки ее слегка порозовели, Прюденс невольно улыбнулась.

– О, так вы его знаете? – с удивлением спросил Траубридж.

– Нас познакомили наверху, – ответил сэр Энтони, пренебрегая истиной, и двинулся через комнату к Прю.

– Приятная встреча, мой дорогой мальчик! – Его рука тяжело опустилась на плечо девушки. – Не вставайте. Нет, нет, не стоит прерывать игру.

При звуке этого ленивого приятного голоса сэр Фрэнсис едва приметно нахмурился. Он ответил на приветствие Фэншо коротким кивком и объявил пять очков.

Сэр Энтони стоял за креслом Прюденс и молча наблюдал за игрой. Ставки все повышались, и к концу игры сэр Фрэнсис – что удивительно – оказался в проигрыше. Либо этот юноша из провинции имел солидный опыт по части пикета, либо провидение, которое милостиво к новичкам, на этот раз превзошло само себя – в интересах мистера Мерриота. Сэр Фрэнсис не был склонен считать Мерриота опытным игроком; у него были не те манеры. Голос сэра Энтони раздался прежде, чем Джоллиот успел предложить четвертую партию:

– Вы сыграете со мной, Мерриот?

– Буду весьма польщен, сэр. – Прюденс отодвинула выигранные гинеи в сторону.

Сэру Фрэнсису ничего не оставалось, как убраться подальше от стола. Он уступил свое место Фэншо и выразил надежду, что в ближайшее время еще сыграет с мистером Мерриотом.

– Сэр, буду счастлив, – отвечала ему Прю.

Сэр Фрэнсис отправился к окну, у которого собралась группа мужчин. Прюденс повернулась к сэру Энтони, тасуя колоду.

– Назовите ставки, сэр! – сказала она.

– На ваше усмотрение, – • ответил сэр Энтони. – Какие были ставки, когда вы играли с моим приятелем Джоллиотом?

Она назвала их – безразличным тоном.

– Вы всегда играете с такими большими ставками? – благосклонно спросил сэр Энтони.

– Я всегда играю на ту сумму, которую предложит мой партнер, сэр, – последовал быстрый ответ.

Тяжелые веки вскинулись на мгновение, и она увидела проницательные серые глаза.

– Вы, должно быть, доверяете своему опыту, мистер Мерриот?

– Я доверяю своей удаче, сэр Энтони.

– С чем и поздравляю вас. Я буду играть на половину ставки Джоллиота.

– Как вам будет угодно, сэр. Прошу вас, снимите карту.

Поскольку большой джентльмен уже видел, как она играла с сэром Фрэнсисом, придется продолжать в том же духе. Прюденс нарочито неумело обращалась с колодой, проявляя естественную для новичка нерешительность. Сэр Энтони, казалось, с головой погрузился в свои карты, но когда она вновь начала колебаться, какую карту из имеющихся пяти ей сбросить, он поднял на нее глаза и медленно протянул:

– О, не трудитесь, дорогой мой мальчик! Разве я какой-нибудь обдирала?

Прюденс не совсем поняла, к чему клонит джентльмен, и осторожно уклонилась от ответа.

– Как это, сэр?

– Не притворяйтесь, я хочу сказать, – произнес сэр Энтони с обезоруживающей улыбкой. – Мне кажется, вы научились играть в пикет еще в колыбели.

Она вдруг почувствовала удушье. Похоже, у Джона были основания говорить, что большой джентльмен, при всей своей видимой сонливости, всегда настороже. Она засмеялась и ответила прямо, проклиная в душе проницательность своего слуги:

– Должен признать, сэр, что вы недалеки от истины. Мой отец – большой любитель этой игры.

– Вот как? – переспросил сэр Энтони. – Тогда скажите, что заставило вас изображать новичка перед моим другом Джоллиотом?

– Я пару раз бывал в свете, сэр Энтони.

– В этом я не сомневаюсь. – Сэр Энтони посмотрел на свои карты не без уныния. – Похоже, в этой схватке ваши перышки уцелели?

Она снова засмеялась.

– О нет, я не тот голубь, которого легко ощипать, сэр. Заявляю пять.

– Уступаю, мой честный юноша.

– Может быть, кварт[15]?

– Зависит от главной карты.

– Король, сэр Энтони.

– Не пойдет, – возразил сэр Энтони. – У меня кварт с тузом.

– Сэр, вы хотите заставить меня поверить, что три короля не пойдут?

– Верно, мой милый мальчик; им придется уступить моим трем тузам.

Их диалог был великолепен. Прюденс тихо засмеялась.

– О, мне повезет! Моя очередь, и у меня шесть, сэр.

Разыграли остаток.

Когда карты были собраны, сэр Энтони сказал:

– Как я понимаю, столь ловкий юноша не нуждается в дружеском предостережении?

Решительно, загадочный джентльмен был к ней чрезвычайно добр.

– Вы очень любезны, сэр! Даже не знаю, отчего вы так заботитесь обо мне, – это было произнесено с теплотой и признательностью.

– И я не знаю, – лениво ответил Фэншо. – Но, несмотря на эти ваши двадцать лет, не такой уж вы... умудренный, а в городе полно ястребов.

Прюденс поклонилась.

– Я принимаю ваше наставление, сэр. И должен поблагодарить вас.

– Не стоит. Ощипывание голубков никогда не было моим любимым занятием... Хорошо, уступаю вам очко, но у меня квинты и четырнадцать при дамах, кроме трех королей. Увы, репик испорчен. Разыгрываем пятерку, сэр.

Наконец игра подошла к концу.

– Квиты, – сказал сэр Энтони. – Не окажете ли мне честь быть у меня в четверг?

– О, конечно, сэр, для меня это большая честь. В четверг на Клэрджес-стрит, насколько я помню.

Сэр Энтони кивнул. Он сделал знак лакею, чтобы тот подал им вина.

– Не откажетесь выпить со мной, Мерриот?

– Благодарю вас, сэр, немного Канарского.

Принесли вино; один-два джентльмена подошли к ним, и сэр Энтони представил им мистера Мерриота. Не прошло и пяти минут, как Прюденс уже пригласили на следующий день в парк – покататься верхом с круглолицым юным джентльменом, весьма дружелюбно настроенным. Это был достопочтенный Чарльз Белфорт, в котором страсть к игре в кости сочеталась с феноменальной невезучестью, что, впрочем, не мешало ему радоваться жизни.

[15] Четыре карты одной масти.

– Ну, Чарльз, каковы успехи? – сэр Энтони с улыбкой смотрел на юного прожигателя жизни.

– Как всегда. – Белфорт потряс головой. – Плохо, очень плохо. Но мне кажется, что повезет завтра – эдак около восьми часов.

– Боже милостивый, Бел, почему же именно в восемь? – спросил мистер Молиньюкс.

Достопочтенный Чарльз был серьезен.

– Так мне сказали ангелы. Раздался взрыв смеха.

– Ерунда, Чарльз, это они предсказали тебе время, когда ты рухнешь в долговую яму! – вступил в разговор милорд Кестрел, опираясь на спинку кресла Фэншо.

– Вот видите, сэр, – жалобно обратился Белфорт к Прю. – Они все смеются надо мной, даже когда я им рассказываю о небесном видении. Безбожие, черт меня побери, вот как это называется.

Очередной приступ общего веселья. Послышался низкий голос сэра Энтони, в нем звучала дружеская насмешка:

– Вы обманываете себя, Чарльз. Ангел мог бы заглянуть к вам только по ошибке. Это не иначе как привет от дьявола, знак того, что он скоро явится по вашу душу. – Он поднялся и взял свою табакерку. – Ну, Мерриот, собираюсь доставить себе удовольствие – пойти поклониться вашей сестре. Когда я был наверху, то не смог к ней пробиться.

– Я провожу вас, сэр, – с готовностью сказала Прюденс. – Мистер Белфорт, встречаемся в девять утра.

Сэр Энтони вышел, взяв мистера Мерриота под руку. Поднимаясь по широкой лестнице, он сказал:

– Мне пришло в голову, что вам нужен поручитель, чтобы вступить в Уайтс-клуб. Могу ли я записать вас?

Итак, ей суждено стать членом клуба для мужчин-аристократов? Боже, когда все это кончится? И ничего не поделаешь: большой джентльмен повелевал всеми. Она с благодарностью приняла его предложение, а затем, с простительной молодому человеку нерешительностью, взглянула на властное лицо и сказала робко:

– Мне кажется, я создаю вам некоторые трудности, сэр Энтони. По всему, что я слышал, никак не ожидал обнаружить в Лондоне подобное участие.

– О, немало людей сделали бы то же самое, мой мальчик, например, мой друг Джоллиот. Но лучше, если вашим поручителем буду я.

– С огромной радостью, сэр.

Они вошли в гостиную, где толпа уже несколько поредела. Найти Робина не составило труда – он как раз беседовал со светским щеголем в весьма преклонных летах. Судя по его виду, он выслушивал некие экстравагантные комплименты. Прюденс могла лишь мысленно аплодировать очаровательной скромности, потупленным глазкам и склоненному лицу.

Бросив взгляд поверх веера, Робин увидел их. Он достаточно ловко отделался от своего не слишком юного воздыхателя и, шурша шелками, направился к ним.

– Мой дорогой, признаюсь, я чуть не падаю от усталости! – сказал он Прюденс, сделал реверанс сэру Энтони и одарил его ослепительной улыбкой. – Добрый вечер, сэр. Я вас видела и раньше, но вокруг такая толпа.

Губы сэра Энтони чуть коснулись руки Робина.

– Все собрались вокруг мисс Мерриот, – галантно произнес он.

– Как, когда прекрасная мисс Каннинг находится тут же? Фи, сэр, вы мне льстите. Питер, если ты меня любишь, то принесешь мне глинтвейна.

Прюденс отправилась выполнять просьбу; Робин же опустился на кушетку рядом с сэром Энтони. Когда Прюденс вернулась с вином, между Фэншо и Кэйт, казалось, воцарилось полное взаимопонимание.

Робин взглянул на сестру, его глаза сияли:

– Сэр Энтони говорит, что собирается украсть тебя в четверг, мой Питер. Вот как обманывают нас, бедных девушек.

– Еще я хочу быть поручителем за вашего Питера в Уайте-клубе, мадам, – сказал улыбаясь сэр Энтони. – Это еще большее преступление.

– О, эти клубы! Это значит, что я совсем перестану видеть это несносное создание! – Мисс Мерриот закрыла лицо веером в притворном негодовании. По крайней мере, это выглядело убедительно, хотя за веером подвижная бровь весело взлетела вверх. Отмечая успехи Прюденс, голубые глаза заблестели от смеха. Мгновение – и веер с щелчком сложился. – Ваша доброта к Питеру много выше вашей любезности по отношению к его бедной сестре, сэр! – поддразнила она Фэншо.

– О, здесь я действительно должен принести вам свои извинения, мадам. Я в долгу перед вами обоими.

– Не будем об этом, – быстро сказала Прюденс. – У вас нет долгов передо мной; во всяком случае, мне они неизвестны.

– Ну что ж, давайте скажем, что моя доброта, как вы это называете, всего лишь залог того, что, я надеюсь, станет дружбой.

– Для меня это большая честь, сэр, – сказала Прюденс и, к своему неудовольствию, почувствовала, что краснеет.

Большой джентльмен решил оказывать ей покровительство, и тут ничего нельзя поделать. Но радоваться ей или печалиться? Очевидно, на этот вопрос еще придется найти ответ.

Глава 7
БОЛЬШОЙ ДЖЕНТЛЬМЕН ПРОЯВЛЯЕТ ХАРАКТЕР

Утренняя прогулка верхом явилась много обещающим началом новой дружбы. Достопочтенный Чарльз был одарен подкупающей искренностью, у него не было секретов от тех, кто был допущен в круг его знакомств; и казалось, вся его жизнь в один миг предстанет перед Прюденс подобно открытой книге, пожелай лишь она ее читать. С восхитительной ловкостью девушка направляла беседу в угодное ей русло. Хоть она и не была ханжой, но даже получаса в компании экспансивного мистера Белфорта было довольно, чтобы понять: большая часть его воспоминаний неминуемо заставит краснеть девственные щеки. Прюденс, правда, сохраняла нормальный цвет лица, и у нее было достаточно ума, чтобы не думать о нем плохо, несмотря на все его ужасающие откровенности. Не стоит и упоминать о том, что они были вовсе не предназначены для дамских ушей.

Не успело закончиться их катание, как они уже стали «Питер» и «Чарльз» и чуть ли не кровные братья. Прюденс уступила, но втайне огорчилась, вспомнив, что ее намерением было затаиться в Лондоне. Очевидно, этого не случится. Правда, со стороны мистера Белфорта опасаться было нечего; ее маскировка была достаточно хороша, чтобы одурачить дюжину подобных шалопаев.

Она вернулась на Арлингтон-стрит и увидела Робина, который жеманился над букетом красных роз. Опять кого-то одурачил.

– Зришь ли ты, Питер, сколь взволнованно вздымается моя девственная грудь?

Прюденс положила хлыст и перчатки:

– Что это?

– Мой юный поклонник! – выдохнул Робин в экстазе, подавая ей записочку. – Читай, дитя мое!

Прюденс расхохоталась над любовным посланием:

– Робин, ты мошенник!

– Я создан, чтобы разбивать сердца, – вздохнул Робин.

– Ну, это сердце склеивали уже много раз!

Робин склонил голову набок; веселые бесенята плясали в его ясных голубых глазах.

– А вот мне хочется покорить человека-гору, – нежно сказал он.

– И не думай! Скорее он разоблачит тебя, чем будет вздыхать у твоих ног, бесстыдник, – ответила Прюденс.

– О, вот так новости, клянусь небом! Разоблачить меня? Каким же образом?

– Джон был прав. Мы считали его каким-то недотепой, а он все примечает.

– Вот как? – Робин ожидал пояснений. Она рассказала ему о карточной игре накануне.

Он слушал молча, наконец беззаботно пожал плечами:

– Не вижу в этом ничего особенного. Если он стоял рядом, то вполне мог видеть твои карты. Тебе удалось ободрать старого волка?

– На пять гиней. Они нам пригодятся, если наше ожидание окажется долгим. Но сэр Энтони... – Она замолчала.

– Ты им околдована. Что еще?

– Я думаю, что нам нужно держаться с ним настороже.

– Как тебе угодно, но, думаю, ты переоцениваешь высоту этой горы. Посуди сама, дорогая, зачем человеку подозревать нас в том, что, в сущности, совершенно невероятно? С чего бы этой столь дикой догадке прийти ему в голову?

– Это так, конечно. Чума его возьми, он еще осыпает меня своими благодеяниями!

Робин засмеялся.

– Итак, он тебя вводит в Уайтс-клуб? Да еще карты ввечеру – когда же?

– В четверг, у него дома. Робин благочестиво сложил руки.

– Боюсь, мое чувство благопристойности оскорблено, – поддразнил он ее.

Этот удар не пробил брони ее спокойствия.

– Дитя мое, у тебя его нет, будь уверен.

Робин не стал возражать и отправился одеваться к визиту в дом мисс Грейсон. Городская карета миледи Лоуестофт доставила его к нужному подъезду. Лакей в темной ливрее провел его в гостиную.

Пожилая леди поднялась из кресла, стоявшего у камина, и сделала величественный реверанс. Прежде чем церемонно ответить на приветствие, мисс Летти вскочила и подбежала к нему. Очевидно, должно было последовать объятие, но Робин удержался от искушения и просто протянул ей руки, таким образом удерживая ее на надлежащем расстоянии.

– Моя дорогая, дорогая мисс Мерриот! Я так надеялась, что вы приедете! – вскричала Летти.

Старшая мисс Грейсон взглянула на нее с укором.

– Летиция, дитя мое, что за манеры! Робин опустился перед леди в нижайшем реверансе.

– О, мэм, прошу вас, не сердитесь на нее. Я просто польщена таким приемом.

– Боюсь, мэм, наша Летиция порядочная сумасбродка, – сказала мисс Грейсон. – Прошу вас садиться. Мой почтенный брат сказал, что ваш визит может доставить нам удовольствие.

Почтенный брат мисс Грейсон вошел как раз в этот момент и встал чуть поодаль, беседуя с мисс Мерриот. Когда он удалился, он увел с собой и сестру. Целый час Робин наслаждался беседой тет-а-тет, после чего появился лакей, возвестивший, что мистер Мерриот явился за своей сестрой.

– Мистер Мерриот должен войти, – объявила Летиция.

Ее приветствия Прю были только чуточку менее восторженными, нежели те, которые были обращены к Робину. Вновь появившийся сэр Хамфри был весьма сердечен, и ему тоже пришлось терпеть восторженные объятия дочери, поскольку он сообщил о только что полученном от миледи Дорлинг приглашении на маскарад. Миледи Дорлинг просила мисс Грейсон оказать ей честь своим присутствием, а сэр Хамфри благосклонно разрешил Летти поехать.

Будет ли там мисс Мерриот? Мисс Мерриот не могла сказать этого с уверенностью.

– Интересно, будет ли там мисс Мерриот? – передразнила Прюденс, когда они сели в карету.

– Не сомневайся, дитя мое. Бал-маскарад!.. Посмотрим...

Нечто в его тоне заставило Прюденс пристально посмотреть на него:

– Что ты еще затеял?

Глаза Робина дразняще взглянули из-под длинных ресниц.

– Ты многое отдала бы, чтобы узнать, не так ли? – спросил он язвительно.

Прюденс не собиралась поощрять подобные настроения.

– К чему все это? – спросила она. Движение ее головы можно было истолковать как указание в сторону дома Грейсонов.

– Летти предстоит появиться в свете. Это моих рук дело.

– А как же Мэркхем?

– Я сам в растерянности. Я услышал о нем кое-что – не так много. Думаю, мы зашли в тупик. Сэру Хамфри нужно только одно – чтобы никто ничего не узнал. В этом, как мне кажется, с ним вполне согласен и Фэншо.

– Значит, дуэли не будет?

– О, да ты заволновалась? – пошутил Робин.

– Как видишь, – последовал спокойный ответ.

– И все-таки ты хладнокровное создание. Дуэли не будет. Я думал, что это вполне можно устроить, но, видно, Мэркхем лишен амбиций и отнюдь не желает встречи с твоим человеком-горой. Я кое-что слышал о фехтовальном искусстве Фэншо. – Он поджал губы. – Впрочем, на сей счет у меня имеются сомнения.

– Говорят, что он хороший фехтовальщик?

– Мне дали понять, что да. Но я-то убежден, что это искусство не для англичан. Тут нужна живость! А ты можешь себе вообразить гору на отскоке? – Он вежливо усмехнулся. – Что касается пистолетов, то здесь, я думаю, он мастер. Варварский спорт.

Прюденс нахмурилась:

– Хочешь сказать, что дуэли не будет из-за опасений, что Мэркхем все разболтает?

– Мне представляется, что дело обстоит именно так.

– Фу! Он подлый пес!

– Конечно, дитя мое, но подлые псы могут огрызаться. Полагаю, что мне нет нужды убеждать тебя быть осторожной?

– То есть ты думаешь, что мне грозит опасность быть вызванной на дуэль? Нет, я проникнусь духом примирения. Скорее дражайшему Мэркхему следует быть осторожным. Тот удар в гостинице – впрочем, детский трюк – запомнится ему надолго.

– Верно, дорогая, но избегай риска. Тут со всех сторон ловушки.

– Значит, и ты их видишь? Я еще никогда не попадала в такой переплет. И чем дальше, тем труднее из него вырваться.

– В конце концов, если дойдет до крайности, мы сбежим. Эта мысль меня утешает.

Прюденс положила ногу на ногу.

– А как же старый джентльмен?

– Дьявол его побери. Ты не сознаешь, что отчасти именно он виноват во всей этой истории?

– Конечно. Скоро от него будет весточка. Я полагаю, нас немедленно увезут во Францию, где будем ждать следующего безумного предприятия.

– А тебе этого не хочется? – искоса взглянул на нее Робин.

– Я полюбила респектабельность, – беззаботно ответила Прюденс.

Робин уже был готов ответить насмешкой, но удержался. Эта перемена в его сестре могла стать причиной еще больших осложнений в будущем. И сомневаться нечего, человек-гора околдовал ее, но у них не было надежды на счастливый конец. Джентльмены такого сорта, как сэр Энтони, не женятся на дочерях... хм-м, чья же она дочь? Слово не было произнесено, но мошенник – это, пожалуй, самое верное определение. Откреститься от старого джентльмена и его затей? Это подлый трюк; она на такое никогда не пойдет. Да и им разве станет от этого лучше? Должна же девушка иметь родителей, в конце концов.

На Арлингтон-стрит они застали сэра Энтони, явившегося с визитом к миледи. Оказалось, что он специально заехал за мистером Мерриотом, чтобы представить его в Уайте-клубе, который находился рядом с Сент-Джеймс-стрит. Он увел Прюденс с собой; у девушки не было сил сопротивляться.

В клубе собрались кое-какие джентльмены, в их числе и мистер Мэркхем, который беседовал с рыжеватым джентльменом лет сорока. Прюденс краем уха услышала его имя и снова посмотрела на него с немалым интересом. Рыжеватый джентльмен и был тот новый лорд Бэрхем, о котором говорила миледи. Да, в этом лице с тяжелой челюстью трудно было углядеть что-то особенно хорошее. Она вспомнила свой утренний разговор с Белфортом. Достопочтенный Чарльз намекнул, что манера игры Бэрхема не вполне безупречна.

Подошел мистер Молиньюкс и любезно поздоровался с сэром Энтони и его спутником. Почти тут же лорд Бэрхем обратился с чем-то к мистеру Молиньюксу, который и представил его Прюденс.

Милорд осмотрел чужака и чуть наклонил голову. Было видно, что его лордство был не намерен расточать любезности какому-то неизвестному джентльмену; он повернулся к Прюденс боком и сделал какое-то незначащее замечание сэру Энтони.

Фэншо сонно поглядел сквозь лорнет; удивительно, с какой ленивой надменностью мог разговаривать этот большой джентльмен.

– Ренсли, вам не хватает учтивости, – сказал он скучающим голосом. – Впрочем, я вижу у окна своего друга Деверю. Пойдемте, Мерриот, я вас представлю.

Милорд вспыхнул. Двинувшись за Фэншо, Прюденс услышала, как он спросил у Мэркхема:

– Это еще что за петушок, которому так покровительствует Фэншо?

Прюденс не слышала ответа мистера Мэркхема, но заметила, как он нахмурился, когда ему пришлось первым подойти к ней и поздороваться. Затем угрюмая гримаса сменилась улыбкой, которая еще больше не понравилась Прю: чувствовалось, что мистер Мэркхем задумал недоброе. О прискорбной встрече по дороге в Шотландию не было сказано ни слова – сплошная любезность и такт. Но стоило только вернуться сэру Энтони, как Мэркхем исчез.

Прюденс с честью выдержала первое испытание – появление в изысканном клубе, как и все прочие испытания этого дня. На карточном вечере у сэра Энтони она играла в фараон и в кости, и фортуна ей не изменяла. Ей пришлось лицезреть, как не один джентльмен свалился под стол, но хозяин дома выглядел безупречно трезвым. Прюденс восхитила его крепкая голова. Достопочтенный Чарльз еще мог стоять, но ноги его уже не слушались, и он выражал желание пуститься в длинное и малопонятное повествование, с которым обращался к любому, кто еще был способен слушать. На рассвете Прюденс пешком отправилась на Арлингтон-стрит, часть пути ее сопровождал мистер Деверю, который вис у нее на руке и клялся – между приступами икоты – в вечной дружбе.

За этим карточным вечером последовали и другие, визит в Рэнилд-Гарденс, раут, а позже – бал-маскарад у леди Дорлинг. Миледи прислала приглашения мистеру и мисс Мерриот. Ожидалось, что это будет один из самых грандиозных вечеров в этом сезоне.

– Вы пойдете, сэр Энтони? – спросила его Прюденс за картами у Белфорта.

– Думаю, придется, – ответил сэр Энтони. – Хотя эти балы – сущее наказание. Я хочу поехать к себе в Уич-Энд сразу после этого бала. Не составите ли мне компанию?

На мгновение она растерялась, но присутствие духа никогда не покидало ее.

– О сэр, для меня это было бы большим удовольствием, но, боюсь, моя сестра тоже в некотором роде рассчитывает на меня.

– Ее можно уговорить расстаться с вами на недельку, – предложил сэр Энтони.

– Вы меня искушаете, сэр, но нет – полагаю, я должен отказаться. Кроме того, у меня есть еще кое-какие дела.

Сэр Энтони на мгновение поднял брови:

– Вы совершенно уверены в этом? Она прямо взглянула в его глаза:

– Я вас обидел, сэр?

– Отнюдь. Но мне странно, почему вы не хотите поехать.

– «Не хочу» – это не то слово, сэр Энтони. Я бы больше всего желал присоединиться к вам, но, как я уже сказал...

– Понял, «кое-какие дела», – кивнул сэр Энтони и удалился.

Прюденс осталась стоять одна посредине комнаты. У нее было странное ощущение, что ее бросили, поскольку сэр Энтони был, очевидно, недоволен.

Белфорт звал ее сыграть в кости. Она направилась к его столу и уголком глаза увидела сэра Энтони, который устроился у окна, где шла игра в фараон. Теперь к нему никак нельзя было подступиться; кроме того, она тут же сделалась добычей лорда Бэрхема, который снизошел до того, чтобы узнать ее, поскольку понял, что она лишилась защитника. Ей пришлось

играть с милордом, она проиграла достаточно и знала почему. Наконец она отделалась от Бэрхема и села играть в пикет с преисполненным надежд Джоллиотом, а позже попрощалась с хозяином, сославшись на головную боль. Ее серьезные серые глаза не без печали устремились в сторону игроков в фараон; сэр Энтони поднял глаза.

У него было жесткое выражение лица; он холодно встретил взгляд серых глаз, и Прюденс не увидела улыбки на четко очерченных губах. Она повернулась к дверям и услышала низкий голос:

– Уже уходите, Мерриот? Постойте, я составлю вам компанию.

Через пять минут они вышли на улицу, и сэр Энтони протянул:

– Каков результат встречи с Ренсли, мой честный юноша?

– Плохо, – ровно ответила Прюденс. Ей не понравилась ироническая нотка в голосе спутника.

– Голубок потерял несколько перышек, а?

– Зато голубок не мошенничал в игре, сэр! – несколько язвительно ответила Прюденс.

– Полегче, дитя мое! Вы хотите сказать, что Ренсли мошенничает?

Прюденс бросила взгляд в непроницаемое лицо:

– Вы думаете, он не станет обманывать голубка, сэр?

– Нет, малыш, я думаю, что будет. Она прикусила губу:

– Мне недоставало вас, сэр.

– Потому что я не прогнал людоеда от ребеночка? Жизненный опыт еще никому не повредил, дитя мое.

– Я думаю, вы хотели показать мне, сэр, что мне остается лишь положиться на милость первого встречного, если только я не с вами, – сказала Прюденс прямо.

– А разве это не так? – парировал сэр Энтони.

– Я сумею постоять за себя. Но зачем вы таким образом демонстрируете мне свое могущество?

– Следующий шаг в вашем образовании. Вам следует поблагодарить меня за это.

– Я думаю, вы не вполне честны со мной, сэр Энтони.

– Объясните, мой юный мудрец. В чем же я нечестен?

Она продолжала ровным голосом:

– Вы рассердились на то, что я отказался ехать с вами в Уич-Энд. Я не жалуюсь, что вы оставили меня на растерзание лорду Бэрхему. Я даже предпочел бы, чтобы вы стояли в стороне, ибо я не имею никаких прав на вас и уверен, что могу сам позаботиться о себе. Но когда вы говорите, что вы сделали это в целях моего «образования», вы неискренни.

– Следовательно, вы думаете, что я сделал это от обиды? – Его голос оставался совершенно безмятежным.

– Разве это не так, сэр Энтони? Наступила пауза.

– Мне не кажется, что я страдаю чрезмерной обидчивостью, – сказал Фэншо. – Может быть, мы скажем так: что я оставил вас на съедение этому волку в наказание за вашу неблагодарность?

Вот что значит поддаться мстительному искушению! Решительно, перечить ему было себе дороже. Чувствуешь себя просто каким-то лилипутом.

– Сожалею, что вы сочли меня неблагодарным, сэр. – Она заметила, что голос ее звучит тихо и достаточно виновато, и попыталась взять себя в руки. – Мне кажется, вы не так поняли мой отказ поехать в Уич-Энд. – Не успела она произнести эти слова, как тут же о них пожалела. Бог знает, куда это могло завести.

– Не считаю себя всезнающим, – сказал Фэншо, – но думаю, что городская жизнь кажется вам куда более привлекательной, чем жизнь в Уич-Энде.

Она заметила, что они отклонились от темы. Да, получилась большая путаница. В конце концов, для неизвестного молодого джентльмена быть приглашенным в гости к великому сэру Энтони Фэншо, и в самом деле, большая честь. Ее отговорки звучали неубедительно; короче говоря, она действительно выглядела невежей. Но как исправить свою ошибку?

– У вас сложилось неверное впечатление, сэр.

– Вот как?

– Я прекрасно понимаю, сэр, что ваше приглашение – это честь, которой я не заслуживаю, но меня учили, что отказываться от своих прежних обязательств – большая грубость, нежели отклонить новые, пусть и очень лестные.

– О, у вас это прозвучало замечательно! – восхитился сэр Энтони. – Прошу вас, забудем об этом.

– Если только я не останусь в вашем черном списке, сэр, – сказала Прюденс, чтобы убедиться в его искренности.

Он засмеялся и положил ей руку на плечо:

– Признаюсь, я до странности расположен к вам, молодой человек. Вы прощены.

Смехотворно, что человек может почувствовать такое облегчение. Прюденс решила ничего не рассказывать Робину, опасаясь, что он станет смеяться над ней.

Глава 8
ЧЕРНОЕ ДОМИНО

Миледи Лоуестофт подкралась к комнате Прюденс, быстро оглянулась, чтобы убедиться, что никого нет, и вошла, плотно закрыв за собой дверь. Прюденс сидела перед зеркалом с заячьей лапкой для румян в руке. Она оглянулась, чтобы увидеть, кто это так бесцеремонно ворвался к ней.

– Фи!.. – воскликнула она, снова поворачиваясь к зеркалу.

– Если кто-нибудь видел меня, моей репутации конец!.. – заметила миледи, усаживаясь и усмиряя волны фиолетового шелка. В руке у нее была бархатная полумаска, на плече фиолетовое домино. Она приложила маску к лицу: – Ну как? Разве я не intrigante[16], дорогая?

– Очень! Впрочем, как всегда, в маске или без нее.

– Они все так и говорят, – кивнула миледи. – О ля-ля! Мы сегодня неотразимы, нет?

Прюденс провела рукой по малиновому шелку и улыбнулась.

– Мой лучший наряд, мэм.

– О, ты выглядишь очень хорошо. Нечего и говорить. Но каков гардероб! Значит, bon papa разбогател?

– То густо, то пусто, мадам. Когда я в последний раз видела его, у него, похоже, было достаточно денег. – Прюденс опытной рукой посадила мушку на щеку. – Мы собираемся? Пойду посмотрю, оделся ли Робин. – Она взяла с постели малиновое домино, маску и шляпу и вышла.

Робин поинтересовался, кто это там скребется в его дверь. Прюденс ответила и услышала:

– О, входи, моя дорогая.

Она вошла, мурлыкая под нос песенку, но при виде Робина мотивчик замер у нее на устах, и Прюденс поспешно затворила дверь за собой. Вместо леди, которую она ожидала увидеть, посредине комнаты стоял невысокий, стройный молодой человек в атласных коротких рейтузах и батистовой рубашке. Светлые волосы были густо напудрены и связаны на затылке черной лентой, белую шею закрывало кружевное жабо, ниспадающее пышными складками на грудь. Из Робина получалась хорошенькая девушка, но он был, вне всяких сомнений, очень красивый молодой человек.

– Робин, ты сошел с ума? – спокойно произнесла Прюденс.

В глубине комнаты Джон расправлял фалды элегантного камзола.

– Да уж, вполне можно так сказать, мисс. Совсем сдурел, – проворчал он.

Робин засмеялся.

– Бедный мой Джон! Я тебя скоро в гроб вгоню?

– Себя вы в гроб вгоните, сэр, и сами хорошо это знаете.

Прюденс подошла поближе:

– Какие еще новые затеи?

– Мадам Прю! Приветствую вас! Никаких затей, или же сумасшествий.

– Я в этом не уверена. Когда ты наконец станешь серьезным?

Он приложил маску к глазам:

– Ну как, меня можно узнать?

– Но ведь за ужином все снимут маски! И что тогда?

– О, тогда? Прощай, Робин! – Он послал воображаемый воздушный поцелуй и бросил маску на стул. – Не порть мне удовольствие, сестра моя!

---

[16] Загадочна (фр.).

Она пожала плечами:

– Неужели надо подвергать опасности собственную жизнь из-за пары карих глаз?

– Ради романтики можно поиграть с огнем. А разве не этим мы занимаемся всю жизнь? И ты можешь надеть кринолин и эти свои одежки и пококетничать с человеком-горой.

– Боже упаси вас от этого! – Джон в сердцах бросил камзол. – Не вздумайте это делать, мисс Прю!

– И не собираюсь. Робин, одна-единственная неудача – и ты пропал.

– Дорогая моя, ты начинаешь бояться даже тени. Оставь. Завтра я опять буду добропорядочной мисс Мерриот.

Прюденс слишком хорошо знала демона упрямства, овладевавшего им, чтобы продолжать спор. Миледи Лоуестофт постучала и попросила позволения войти.

Прюденс повернулась и открыла дверь:

– Входите, мадам, посмотрите на этот образчик безумства.

Миледи, преисполненная любопытства, вошла и взвизгнула от смеха при виде Робина.

– Mon Dieu! Mon Dieu! Но каков шалун! – воскликнула она. – Приготовился в ухажеры, не так ли? Можешь мне не говорить, и так вижу.

– Это значит навлечь на себя тысячи всяких опасностей! – сказала Прюденс. – В него сам дьявол вселился, я убеждена.

Робин был занят: он закалывал алмазной булавкой кружевной шейный платок.

– Клянусь тебе, Прю, нет никакого риска! Джон, давай жилет.

– О, вот это приключение! – воскликнула миледи со сверкающими глазами. – Ты беспокоишься, моя Прю? Не нужно! Кто будет подозревать? Он сможет скрыться до того, как будут сняты маски, а Марта будет наготове, чтобы сразу впустить его в дом. Все пройдет хорошо, обещаю тебе!

– Мадам, вы сокровище! – провозгласил Робин, надевая свой камзол. Он потряс кистями рук, высвобождая кружевные манжеты, и подтянул платок. – Наконец-то я превратился в самого себя.

Миледи критически оглядела его.

– Du vrai[17], ты очень красивый молодой человек, – сказала она.

– Не так ли, Прюденс?

– Только ростом мал, – заметила Прюденс с натянутой улыбкой.

– Прю может восхищаться только мамонтами, мэм, – сказал Робин. Он оглянул крупную фигуру сестры. – Впрочем, у нее есть на то причины.

Таким образом, примерно в середине вечера стройный джентльмен в черном домино попросил миледи Дорлинг представить его маленькой леди в розовом домино, сидевшей у стены под бдительным надзором старой девы.

Леди Дорлинг сказала смеясь:

– Но как же мне представить вас, сэр, ибо ваша маска ставит меня в тупик?

Белые зубы сверкнули в улыбке:

– Вы можете назвать меня 1'Inconnu[18], мадам! Она пришла в восторг.

– Мисс Розовое домино сразу поймет, как это романтично. Ведь это дочка Грейсона. – Она подвела Черное домино к Розовому и, улыбаясь, сказала: – Дорогая моя, вам нужен партнер для менуэта? Его имя – Неизвестный. Он так и назвался. Может быть, вам он скажет больше.

Шурша юбками, она удалилась. Мисс Летти удивленно разглядывала незнакомца. Юноша стоял перед ней, склонившись в глубоком поклоне, одной рукой прижимая к груди

[17] Правда (фр.).

[18] Неизвестный (фр.).

треугольную шляпу, другой придерживая эфес парадной шпаги. Его домино ниспадало складками черного шелка, бархатная маска, через которую поблескивали глаза, скрывала лицо.

Мисс Летти сделала реверанс, все еще не сводя глаз с Неизвестного.

– Мадемуазель окажет честь подать мне руку для танца?

В этом голосе было что-то неуловимо знакомое.

– Мне можно идти, тетя?

Старшая мисс Грейсон неохотно разрешила. Балы-маскарады, где незнакомые джентльмены с какими-то странными прозвищами могли претендовать на знакомство, были отнюдь не в ее вкусе, но тут ничего нельзя было поделать. Мисс Летти ушла, вверившись незнакомцу.

– У меня странное чувство, будто я знаю вас, сэр, – доверчиво сказала она со своей детской улыбкой. – Скажите мне, это так?

Он покачал головой; его улыбка показалась ей невероятно загадочной.

– Как можно знать незнакомца, мадемуазель?

Это была истинная романтика.

– Но вы знаете меня, правда?

Они уже танцевали, и она задала этот вопрос, склоняясь в реверансе. Они снова сошлись в танце.

– О, это совсем другое дело, – ответил Черное домино.

Она надула губки:

– И вы мне не скажете? Я узнала очень многих, просто сразу. Например, вон Тони. – Она кивнула в сторону массивной фигуры в сером домино. – Правда, его ни с кем не спутаешь. И мне кажется, я знаю, где мистер Мерриот. Я думала, что та леди в голубом домино – его сестра, но не совсем уверена. Вы не знаете, сэр?

– Нет, мадемуазель, да и не хочу знать. Мне довольно того, что я нашел мисс Грейсон.

Она покраснела и отвернулась.

– Я чем-то обидел мисс Грейсон? – тихо спросил Неизвестный.

Нет, она не обиделась. Только... только это так странно не знать, кто он.

– Мое имя ничего не скажет вам, даже если я и назову его, – сказал он. – Зачем портить такой прекрасный вечер.

Ее губки чуть раскрылись.

– Прекрасный вечер! – сказала она. – Он действительно прекрасен, сэр?

– По крайней мере для меня, Летиция.

– Но... но вы не должны называть меня по имени, – сказала она. Но голос ее звучал нежно.

– И не должен говорить, что я приехал сюда только для того, чтобы танцевать с вами?

– Это правда, сэр?

Он кивнул.

– Ну конечно. Разве вы не догадались, Летиция?

– Нет, о нет! Как бы я могла? А вы... вы опять назвали меня по имени, сэр.

– Но у вас такое красивое имя, – сказал он. – Позвольте мне, только на один вечер!

– Это как приключение, – прошептала она. Ее глаза в прорезях маски были как звезды.

– Приключение, или мечта, или сон... – Он отвел ее в укромный уголок, где стояли огромные вазы с цветами.

– Только не сон! О нет, а то придется просыпаться, а мне не хочется. Я хочу увидеть ваше лицо, когда будут снимать маски.

– Вы его не увидите, Летиция; я должен остаться Неизвестным.

Она села на диванчик.

– Но ведь вам придется снять маску? Как и всем.

Он улыбнулся и покачал головой.

– Снять маску – значит уничтожить романтику, Летиция.

Она была полна сомнений:

– Разве? Но как же я узнаю вас в другой раз, если не увижу вашего лица сегодня вечером?

– Но захотите ли вы снова увидеть меня? Не станете ли вы жалеть об этом прекрасном вечере?

– Нет, я уверена, что нет. И конечно, я хочу снова увидеть вас. А вы не хотите снова встретить меня?

– Конечно хочу, но я часто вижу вас во сне, Летиция.

Она очаровательно покраснела.

– Знаете, это самая прекрасная фраза, какую мне когда-либо говорили, – призналась она. – Но мне бы хотелось... то есть я хочу сказать, я не хочу жить только в ваших грезах. А вы не представитесь моему папа?

Белые зубы снова сверкнули в озорной улыбке.

– Неизвестные никогда не представляются никаким папа, – заявил он. – Вы будете вспоминать обо мне, просто как о Черном домино.

Ее лицо выразило огорчение.

– Я не увижу вас снова?

– Увидите. Возможно.

– И узнаю вас?

Он колебался: потом засмеялся и протянул ей руку.

– Когда вы увидите это кольцо, Летиция, вы будете знать, что я пришел снова.

Она разглядывала кольцо на его мизинце – редкостная вещица кованого золота с фантастическим орнаментом.

– Только по кольцу?

– Только по нему.

– Но... – Она замялась. – Вы можете позабыть надеть его, – сказала она.

– Я не забуду.

Она вздохнула.

– Все это так таинственно. Я боюсь, а вдруг все это шутка, и я никогда больше не увижу вас.

Он вспомнил одну испанскую притчу.

– О, так вы иностранец? – воскликнула она, как будто этим объяснялось все.

– Нет, дитя мое, но я долго жил в чужой стране.

– Как интересно! – воскликнула она. – Расскажите же об этом.

У входа в альков появилась крупная фигура, и приятный голос произнес:

– Мисс Розовое домино, не доверите ли вы свою руку Серому домино?

Неизвестный встал и изящно поклонился.

– Я уступаю, – произнес он. – Но только ненадолго.

Сэр Энтони подал руку мисс Грейсон и с интересом посмотрел на Черное домино.

Мисс Грейсон с неохотой двинулась за ним, бросив Робину через плечо:

– Я буду вас ждать, не сомневайтесь.

– Кто, во имя дьявола, это может быть? – спросил сэр Энтони.

– Не знаю, Тони. Он назвал себя Неизвестный, но он знает меня, и мне кажется, что и я его встречала. Может быть, вы знаете его?

– Не имею представления, моя дорогая. Я не уверен, что одобряю самое существование неизвестных джентльменов.

Она умоляюще смотрела на него.

– О, только ничего не говорите тете, Тони! Правда, я не допускаю никаких вольностей.

– То есть вы не собираетесь бежать с загадочным незнакомцем? – поддразнил он ее.

– Тони!

– Прошу прощения. – Он торжественно поклонился.

– Это было ядовитое замечание, Тони!

– Вовсе нет, моя дорогая.

– Мне совсем не хочется танцевать с вами сейчас.

Он немедленно провел ее в аванзалу, где были накрыты столы.

– Это прекрасная идея, – сказал сэр Энтони. – Я никогда не был хорошим танцором. Рюмочку ликера?

Она засмеялась.

– У, какой вы нехороший, Тони!

– Милая моя, было бы куда хуже, если бы я повел вас танцевать. Мое призвание – приносить моим дамам пищу и питье.

Ей пришлось сесть.

– Ну, тогда чуть-чуть ликера. Я не собираюсь подходить к тете до самого конца вечера. Пусть потом бранит меня, сколько ей вздумается.

Сэр Энтони налил два бокала вина.

– Она погрузилась с головой в юкер[19], дитя мое; вам не стоит бояться. Пью за ваше здоровье.

Летти пригубила вино и надменно сжала губки, показав очаровательные ямочки.

– Вы могли бы выпить за мои глаза, Тони.

– Несомненно, мог бы, – сказал он, не выказывая ни малейшего рвения.

Летти смотрела на него в задумчивости.

– Интересно, вы хоть раз говорили людям приятное? – спросила она.

– Не вам, кокетка.

– Я знаю. Но кому-нибудь?

– Дорогая, я сомневаюсь, что обладаю такими способностями. Я сообщу вам, если обнаружу их у себя.

– Я не думаю... то есть я имею в виду, что вы не скажете мне об этом, – сказала Летти, кое о чем догадываясь.

– Кто знает, кто знает... Насколько я понимаю, сегодня ваши ушки слушали очень приятные речи?

Она раскрыла веер и стала водить розовым пальчиком по узору.

– Я вам не скажу этого, Тони.

– И не обязательно. – Сэр Тони чуть улыбнулся. – Догадаться не трудно.

– Но не думаете ли вы, Тони, – сказала кротко Летти, – что было бы крайне странно, если бы никто не говорил мне приятных вещей?

Сэр Энтони спокойно смотрел на нее.

– Из вас получится такая кокетка, что Боже упаси... – заметил он. – Это единственный комплимент, который вы от меня получите.

– Я очень рада, что не выйду за вас замуж, – сказала Летти откровенно. – Вы мне совершенно не подходите. Может быть, вы лучше женитесь на моей милой мисс Мерриот?

– Оставьте ваши пожелания при себе, – ответил сэр Энтони. – Это мне пока не грозит.

– Я думаю, вам не терпится скорее пригласить ее на следующий танец, – понимающе кивнула Летти.

Сэр Энтони поставил пустой стакан.

– В таком случае мне придется обуздать свое нетерпение, – сказал он. – Ее здесь нет.

– Нет?.. А я была почти уверена, что она там, в голубом домино. А откуда вы знаете?

---

[19] Юкер – карточная игра.

– От миледи Лоуестофт. Ей пришлось остаться дома. Из-за жестокой мигрени, как я понял.

Летти огорчилась.

– О бедная мисс Мерриот! А мистер Мерриот здесь, верно? Он в малиновом? Я так и думала.

– Сказать по правде, именно он навел меня на ваш след. Он сказал, что хотел пригласить вас на менуэт, но в этот момент вас умчал мужчина в черном.

Это напомнило ей о Неизвестном.

– Я хочу вернуться обратно, в бальный зал, – решительно сказала Летти.

Но сэр Энтони уже овладел ее рукой и повел ее рядом в кадрили. Летти хорошо танцевала, но все время оглядывалась, словно отыскивая кого-то глазами. Неизвестного нигде не было видно, но вот в конце танца он, казалось, возник прямо из воздуха. Он стоял рядом с мистером Мерриотом, с дразнящей улыбкой на губах.

– Леди обещала следующий танец мне, – сказал он, и в его голосе прозвучал легкий смешок.

– Напротив, – сказала Прюденс, – эта леди – моя.

В самом деле, бал-маскарад – самое увлекательное развлечение! Мисс Летти сцепила руки под складками домино и, затаив дыхание, ждала, чем кончится дело.

Шпага чуть двинулась из ножен.

– Я готов встретиться с вами ради чести держать ручку мисс Грейсон, – заявил Неизвестный. – Но выбирать будет она. – Он повернулся к ней: – Мадам, куда вам угодно?

Она умоляюще посмотрела на Прюденс.

– Мистер Мерриот, мне приходится выбрать Неизвестного, потому что я женщина, а ведь говорят, что эти глупые создания обожают тайны.

Прюденс засмеялась и отвесила поклон.

– В таком случае я удаляюсь, о жестокое Розовое домино.

– И к тому же, – заискивающе сказала Летти, – ваш малиновый и мой розовый очень плохо сочетаются, сэр! – Она оглянулась с улыбкой, и они ушли, пробираясь сквозь толпу.

– Обойдены, мой Питер?

Прюденс вздрогнула и повернулась, оказавшись лицом к лицу с сэром Энтони, который стоял совсем рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.